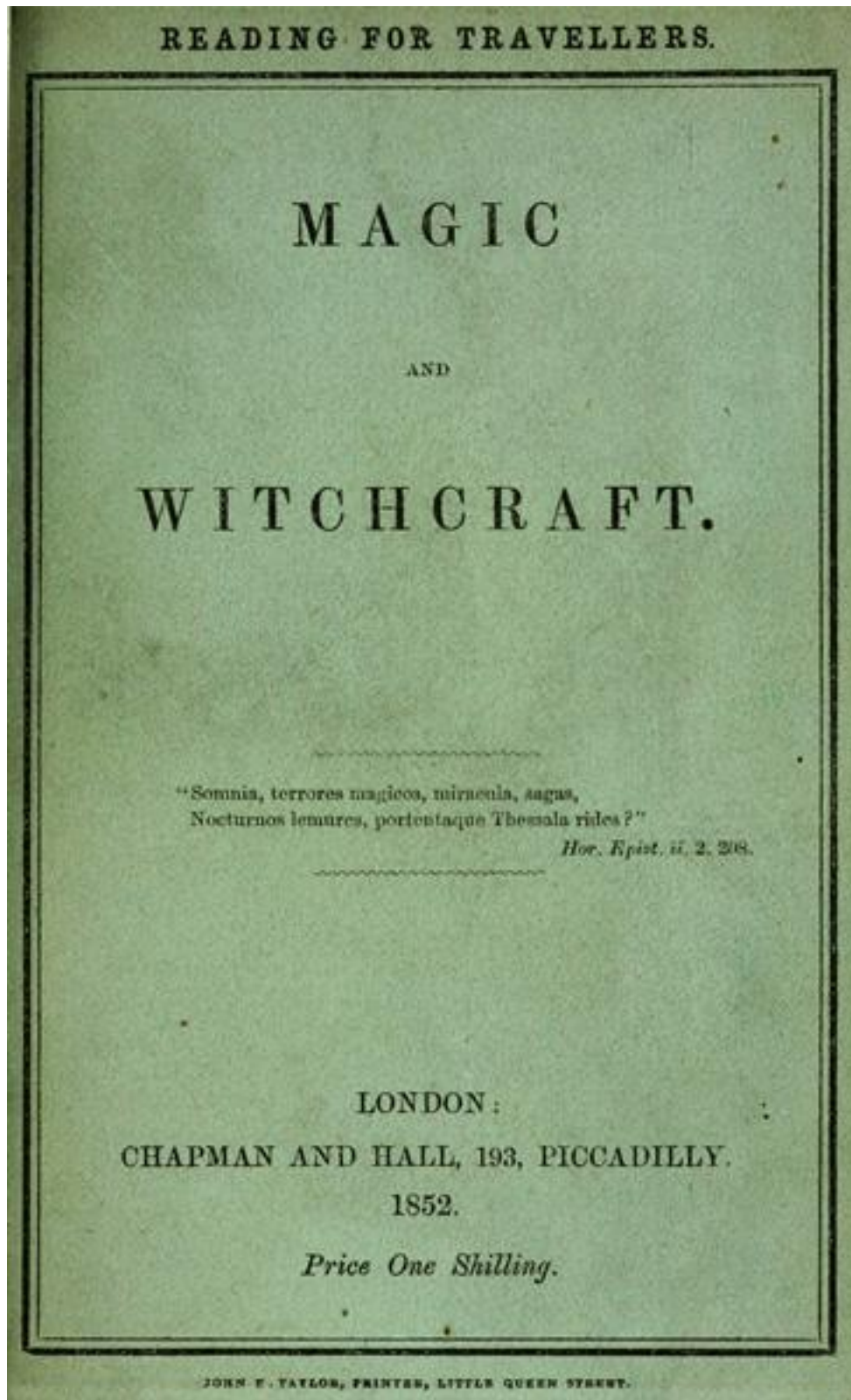

Магия и колдовство

Джордж Мойр

Электронная книга проекта "Гутенберг" о магии и колдовстве

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Магия и колдовство

Автор: Джордж Мойр

Дата выхода: 16 апреля 2013 г. [Электронная книга № 42550]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Керноу и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАГИЯ И КОЛДОВСТВО" ***

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО

Чтение для путешественников.

ТОЛЬКО ЧТО ОПУБЛИКОВАНО "СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДОРОГИ". ЦЕНА ОДИН ШИЛЛИНГ.
УВЕДОМЛЕНИЯ ПРЕССЫ.

"Дейли Ньюс".

“Знание и развлечение очень удачно сочетаются друг с другом, и читатель, который к концу путешествия обнаружит, что его знакомство с историей автомобильных дорог расширилось, также обнаружит, что имеющийся у него запас анекдотов пополнился”.

"Литературная газета".

“Книга содержит немногим более ста страниц, и ее можно прочесть во время поездки в экспрессе между Лондоном и Брайтоном; но каждая страница настолько наводит на размышления, что умный читатель с богатым воображением не дочитает до конца, пока книга не побудет у него в руках много часов”.

Экономист.

“Это приятная книга, несколько причудливая, особенно предисловие, но полная забавного и поучительного чтения”.

Атлас.

“Если другие тома серии будут равны нынешнему по интересу и ценности, мы думаем, что можем с уверенностью предсказать очень большую популярность "энтерпрайза".... Автор собрал материалы для своей книги из всевозможных любопытных и малоизвестных источников, и она читается как одно из эссе старого Монтеня ”.

Лидер.

“Очаровательный том любопытных и ученых сплетен, таких, которые приковали бы внимание Чарльза Лэмба своим тонким научным тоном и богатством дискурса. Если другие тома окажутся на этом уровне, серия станет, безусловно, лучшей из многих, которые сейчас превращают литературу в роскошь для бедных ”.

Хроника садовников.

“Именно та книга, которая предназначена для развлечения образованного человека. Живая и образованная, поэтичная и практичная. Эта книга для ученого, уставшего от мусора, все равно что бутылка дорогого венгерского вина для человека, обреченного на скудные напитки Франции и Рейнгау”.

Гейтсхедский наблюдатель.

“*Старые дороги и новые дороги.*— (Чепмен и Холл, Лондон.) № I. журнала ‘Чтение для путешественников’. Первоклассный маленький томик, напечатанный крупным шрифтом, как раз то, что нужно для поездки по железной дороге. Издатели поступили мудро, призвав к себе на помощь ученого и писателя высочайшего уровня”.

"Лестершир Меркьюри".

“Господа . Чэпмен и Холл вновь вошли в сферу железнодорожной литературы и очень уместно начали свою серию "Чтения для путешественников" с наглядного исторического очерка *старых и новых дорог*. Она одновременно научная и популярная по стилю и содержанию, но при этом лишена малейшего налета педантизма или наигранности. Это повествование ни в коем случае не является простым сухим изложением фактов и дат. Она в изобилии разнообразна и дополнена наглядными анекдотами и живыми наблюдениями — философия и шутка в сочетании с подлинной эрудицией делают ее одним из самых полезных и занимательных томов по железнодорожному чтению, с которыми мы когда-либо сталкивались ”.

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО.

“Somnia, terrores magicos, miracula, sagas,
Nocturnos lemures, partentaque Thessala rides?”
Hor. Epist. ii. 2. 208.

ЛОНДОН:
ЧЕПМЕН И ХОЛЛ, 193, ПИКАДИЛЛИ.

1852.

НАПЕЧАТАНО
ДЖОНОМ ЭДВАРДОМ ТЕЙЛОРОМ, ЛИТТЛ-КУИН-СТРИТ,
ЛИНКОЛЬНС-ИНН-ФИЛДС.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мы давно мечтали, чтобы какой-нибудь английский или зарубежный университет предложил премию по истории магии и колдовства. В "Записях человеческого мнения" было бы мало глав, более поучительных, чем та, которая должна быть компетентно посвящена Черному Искусству. Ибо какими бы грубыми и болезненными ни были детали суеверия, все же суеверие по самой своей этимологии подразумевает догму или систему практики, стоящую на некотором основании факта или истины: и какой бы тщетной или пагубной ни была эта надстройка, ее фундамент каким-то образом связан с теми глубокими истинами, на которых покоятся также корни философии и религии.

Ибо величайшая ошибка, и только она одна может в любое время существенно повлиять на мнения человечества в целом, всегда является имитацией или карикатурой на какую-то великую истину. Из одной почвы первоначально произрастают дерево, приносящее хорошие плоды, и растение, выделяющее смертельный яд. Само распознавание причин ошибки - это шаг к открытию ее противоположности. Замешательства человеческого разума, если их полностью проанализировать, дают ключ к тому, чтобы сбить его с правильного пути, или, по крайней мере, позволяют нам обнаружить точку, с которой началось первоначальное разделение между Истиной и Заблуждением. Алхимия привела, не очень окольным путем, к науке химии; принятие ложных богов большинством человечества сделало необходимым установление иудейских и христианских схем; а искажение истинного почтения ко всему Доброму, Прекрасному и Святому было прародителем тех искусств, которые под различными названиями Магии, Колдовства, Ворожбы и т.д. Сначала побудили их профессоров, а впоследствии и множество людей поверить во все злое, уродливое и нечистое. Магия и колдовство - это немногим больше, чем религиозные инстинкты человечества, сначала извращенные, затем загрязненные и, наконец, подобно всей испорченной материи, пропитанные зародышами испорченной жизненности.

Вера в духовные влияния, и особенно в их пагубные влияния, настолько универсальна, что ни одна раса людей, ни один период времени, ни один регион земного шара не были освобождены от нее. Оно встречается нам в глубокой древности азиатской жизни, в сравнительно недавнем варварстве американских аборигенов, в верованиях всех народов, которые тысячи лет назад разветвлялись на восток и запад от своей кавказской колыбели, в мифах, обрядах и диалектах народов, которые не имеют ничего общего друг с другом, кроме простой формы человека.

Действительно, ни одна нация не может упрекнуть другую нацию в ее пристрастии к магии, не осудив в равной степени себя. Все разновидности человечества в этом отношении одинаково ошибались в разные периоды своего общественного существования, и, соответственно, все они подвергаются одинаковому осуждению за создание лжи и любовь ко ней. Халдеец допустил ошибку, когда, не удовлетворившись простым наблюдением небесных тел через светящуюся атмосферу своих равнин, превратил астрономию в астрологию; египтянин допустил ошибку, когда изобразил вездесущность Божества повсеместным поклонением животным; индус допустил ошибку, когда, задумав идею воплощения, облек в плоть и телесные атрибуты членов своего чудовищного пантеона; кельты и германцы допустили ошибку, когда в своих безмолвных и уединенных лесах они запятнали безмятежность природы обожествленными атрибутами. войны; и более оседлые и цивилизованные расы, построившие и заселившие города древнего мира, допустили ошибку, превратив неделимое единство Демииургов, или Создателей Мира, в антропоморфную систему нескольких богов. Но сама

универсальность заблуждения указывает на некую общую почву для него в тайниках человеческого сердца; и поскольку язычество во всех его формах было искажением религии, а колдовство, в свою очередь, искажением язычества, исследование семян этого злого плода не может не быть в какой-то мере исследованием самой "инкунабулы" человеческого заблуждения.

Мы изложили, или попытались изложить, реальные масштабы предмета Магии и колдовства - однако, не с какой-либо целью распространяться об этом в таком небольшом объеме, как настоящий. На последующих страницах мы предлагаем лишь несколько замечаний о теориях или способах верования, которые в отдаленные или более близкие эпохи влияли на верования и поведение человечества. Этот предмет, *in extenso*, относится к большим объемам, а также к более зрелому обучению и медитации.

Содержание.

	Страница
легендарный Люцифер	3
источники суеверия	9
иноческий суеверия	11
казней за колдовство	17
самообман	19
спектральные иллюзии	25
совпадений в показаниях	29
Швеции. Блокула	31
Заблуждения	33
Исповеди	35
Реформация	37
Преследования в Германии	39
Преследования в Венгрии	41
Эдикт Людовика XIV.	43
Преследование в Англии	45
Шотландские суеверия	49
Судебные процессы в Шотландии	55
Замечательные судебные процессы	57
Дело леди Фаулис	59

Джеймс Первый	65
Пытки	67
69	Др. - .
. ФИАН	71
Евфимия Macalzean	73
Карла Первого	75
пуритане	77
восстановлению	79
Изобель Gowdie	81
аттракционы ведьм	83
анекдоты ведьм	85
суеверный восторг	87
языческого колдовства	91
Лукиан и Апулей	93
пекаря жена	95
измены	97
позже языческие суеверия	99

МАГИЯ И КОЛДОВСТВО.

В 1826 году в Майнце появилась забавная работа, вышедшая из-под пера “герра Кирхенрата” Хорста, название которой, переведенное *in extenso*, звучит так: “Магическая библиотека, или о магии, теургии и некромантии; магах, ведьмах и процессах над ведьмами, демонах, привидениях и призрачных явлениях”. Г. К. Хорстом, церковным советником великого герцога Гессенского”. На следующих страницах представлен обзор этой работы, появившийся много лет назад^[1].

Эта книга достойного церковного советника довольно необычна: это не история магии, а своего рода духовное периодическое издание или журнал инферналистики, в значительной степени поддерживаемый вкладами людей с призрачным складом ума, которые, хотя и делают вид, что время от времени пишат в саддукейском духе, в глубине души многие из них наполовину верующие и не стали бы ходить по церковному двору ночью, если бы не вознаграждение большее, чем мы хотели бы заплатить. Область, по которой он путешествует, слишком обширна, чтобы мы могли пытаться следовать за автором во всех его сложных подразделениях. Данте

разделил ад, как и Германию, на круги; и мистер Хорст, приняв нечто похожее, разделил территорию Князя Воздуха на различные регулярные подразделения, благодаря которым все ее координаты и расстояния становятся достаточно ясными для использования в детских садах. Однако в настоящее время мы можем позволить себе заглянуть только в одну из провинций Ада; хотя для тех, кто склонен совершить большое путешествие, Советника можно рассматривать как умного спутника в путешествии, хорошо знакомого с дорогой. Фактически, его труд настолько методичен и отчетлив, а география адских областей так четко изложена, согласно лучшим авторитетам, от Ямвлиха и Порфирия до Гланвиля и аббата Фиара, что весь этот район сейчас известен примерно так же хорошо, как течение Нигера; и, должно быть, путешественник сам виноват, если он не находит свой выход из Авернуса таким же легким, каким был вход в него, вошедший в поговорку со времен Вергилия.

Картина, однако, нарисованная этими умными духовными путешественниками, никоим образом не рассчитана на то, чтобы произвести на нас впечатление возвышенного представления о владениях Князя Воздуха или о том, что *персонал* его величества или его правительства располагает к себе. Климат, как соглашаются все они, начиная с Фауста, невыносимо жаркий, и местность, по-видимому, во многом похожа на местность между Бирмингемом и Вулверхэмптоном, изобилующую печами и угольными шахтами. Литература, очевидно, находится в упадке, судя по немногочисленным образцам композиции, которыми нас облюбовали в Заубер-библиотеке, а науками, за исключением некоторых практических применений химии, позорно пренебрегают. Правительство кажется деспотичным, но время от времени подверженным взрывам со стороны более влиятельных кругов исполнительной власти. Фактически, отделы администрации ни в коем случае не организованы должным образом; отсутствует надлежащее разделение труда, и следствием этого является то, что Вельзевул, “Лунный Аштарот” и другие сотрудники министерства, которые, согласно теории конституции^[2] имеют право на приоритет, постоянно сталкиваются с толчками и вмешательством со стороны Азиэля, Мефистофеля, Марбуэля и других передовых второсортных духов, которые постоянно суют свои когти туда, куда их не просят. Постоянная армия значительна^[3], не считая добровольцев, которыми она постоянно пополняется. Однако о военно-морском флоте ничего не слышно, и по зловещему молчанию, которое наши географы хранят по этому поводу, легко понять, что вода - редкий элемент в этом районе.

Намеки, сделанные относительно личной внешности и поведения Люцифера, правящего монарха, не являются лестными. Обычные читатели склонны полагать, что сатана занимает это звание^[4], но это большая ошибка, и она только показывает, как сказал Асмодей дону Клеофасу, когда он впал в подобную ошибку относительно Вельзевула, “что у них нет истинных представлений об аде”. Мораль Люцифера, как и следовало ожидать, настолько плоха, насколько это возможно, за тем исключением, что мы не видим никаких свидетельств его личного пристрастия к выпивке. Его распущенные привычки, однако, засвидетельствованы многими скандальными хрониками Шпренгера, Дельрио и Бодинуса; а что касается ругани, то всему миру известно, что Эрнульф был всего лишь его прообразом. Все его шутки практичны и низкопробны, и в большинстве его поступков ощущается полное отсутствие достоинства. Одно из его самых забавных занятий состоит в том, что он постоянно вытаскивает из-под них вертела, на которых восседают его ведьмы, и энергично прикладывает их к их плечам; и он не раз лично наказывал своих слуг, когда они пренебрегали назначенной встречей. Он отъявленный мошенник; многие предприимчивые молодые люди, поступившие к нему на службу, пообещав высокое жалованье и продвижение по службе, обнаруживали, сунув руки в карманы, что он

щедро заплатил им оловянными шестипенсовиками и так и не дослужился даже до звания капрала. Судя по этим рассказам, его талант можно было бы считать весьма посредственным, и поэтому мы опасаемся, что оригинальная подборка из его статей, опубликованная Жан-Полем[5], должна быть литературной подделкой. По крайней мере, все его печатные речи плохи — без сомнения, достаточно кричащие в начале, но обычно заканчивающиеся дымом. Ему всегда нравилось появляться на маскарадах, и однажды он прочитал курс лекций по магии в Саламанке, переодевшись профессором. Еще в 1626 году он жил *инкогнито*, но в очень роскошном стиле, целую зиму в Милане под титулом герцога Маммона[6]. Однако напрасно его пристрастные биографы пытаются скрыть тот факт, что во время своих ночных прогулок, которые он, подобно Гаруну Аль-Рашиду, одно время очень любил и где, как мы узнаем от шведских ведьм, он обычно появлялся в сером сюртуке и красных трусиках, украшенных лентами, и синих чулках, он не раз получал хорошую взбучку от честных людей, которым он пытался подставить подножку, подставляя им хвост. И, на самом деле, после своего романа со СвятымДунстаном он почти не выходил из дома после наступления темноты. Лютер, как мы знаем, не поладил с ним, когда он начал колоть лещинные орехи в своей спальне в Вартбурге, но обошел его до полусмерти в честном состязании за грубость и оскорбления, к тому же оставив несмываемое чернильное пятно на его красных ягодицах[7]. Святой Люпус запер его на целую ночь в кувшине с холодной водой, в который он (как он думал, хитроумно) погрузился, в надежде, что святой проглотит его врасплох[8]. Однако это, учитывая его обычную температуру, должно было быть актом доброты, который должен был навлечь на святого Люпуса порицание церкви. святой Антоний, в обмен на очень вежливое предложение своих услуг, плюнул ему в лицо; это так сильно задело его чувства, что прошло много времени, прежде чем он осмелился снова появиться в обществе[9]. И хотя в своих многочисленных сделках с человечеством он постоянно пытается получить какое-нибудь несправедливое преимущество, человек любого таланта, особенно если он воспитан юристом[10], ему под стать; и в книгах есть множество случаев, когда его величество, пытаясь задержать должника, неожиданно терпел поражение из-за остроумной спасительной оговорки в залоге, которую, как и Шейлок, он проглядел, и которая не подходит в церковных судах, где он обычно предъявляет иски с издержками[11]. Наконец, из судебных процессов над Моро мы делаем вывод, что его общее состояние здоровья, должно быть, пострадало от климата, поскольку в 1669 году он был тяжело болен в Швеции; и хотя он на какое-то время оправился от приступа благодаря кровотечению и противовоспалительному режиму, люди, которые были рядом с ним, думали, что его организм разрушается и что он все еще находится при смерти.

Таков гротескный аспект легендарного Люцифера и его двора, который представляет нам курс демонологии! Но хотя мы таким образом легкомысленно говорили об этих грубых и осязаемых представлениях о злом принципе, и хотя, несомненно, первое впечатление, производимое таким фаррагом, должно быть смехотворным, тема, как мы опасаемся, имеет и свою серьезную сторону. Индийское божество с его дикой искаженной формой и гротескной позой кажется просто смешным, если отделить его от аксессуаров и рассматривать при дневном свете в музее. Но верните его во тьму его собственного отвратительного храма, верните в нашу память жертвы, которые истекали кровью на его алтаре или были раздавлены его машиной, и наше чувство нелепости сменится отвращением и ужасом. Итак, в то время как суеверные сны прежних времен рассматриваются просто как спекулятивное безумие, мы можем на мгновение позабавиться дикой бессвязностью пациентов; но когда мы размышляем о том, что из этих отвратительных неправильных представлений о принципе зла возникла вера в колдовство; что

это была не мертвая вера, а вера, действующая на все существо общества, побуждающая самых кротких и мудрых к убийствам или жестокостям, едва ли меньшим, чем убийство; что образованные и красивые, молодые и старые, мужчины и женщины были одержимы колдовством. преданный его влиянию костру и эшафоту, — исчезает всякое чувство, кроме удивления, что такое могло быть, и унижения при мысли, что заблуждение было столь же длительным, сколь и всеобщим.

Это правда, что поток человеческого мнения, похоже, теперь повернул в другом направлении, и что если злой дух преследования снова должен появиться на земле, его *аватара*, по всей вероятности, должна быть создана в другой форме. Наш мозг больше не является, как говорит доктор Фрэнсис Хатчинсон о Бодинусе, “просто хранилищем, в котором пляшут дьяволы”; и если влияние великого врага все еще так же активно на земле, как и прежде, в форме злых страстей, он, по крайней мере, лично держится на заднем плане и полностью изменил свою тактику со времен "Молота зла".

“Ибо сатана сейчас мудрее, чем раньше,
И искушает, делая *богатым*, а не *бедным*”.

Однако, всегда полезно сдерживать гордыню человеческого разума, обращая внимание на те заблуждения, которые омрачили его, особенно на такие, которые порождены чувствами, возвышенными и похвальными сами по себе. Так, несомненно, обстоит дело с одной из самых мрачных глав в истории человеческих заблуждений - верой в колдовство и его последствия. Желание возвыситься над видимым миром и соединиться с существами, которые, как предполагалось, занимают более высокое положение в творении, поначалу казалось рассчитанным лишь на благотворное влияние на разум. Люди смотрели на нее как на своего рода лестницу Иакова, по которой они должны были установить связь между землей и небом и посредством которой ангельские влияния могли всегда восходить и нисходить в сердце человека. Но, к сожалению, предположение о таком действительном и телесном общении с духами высшего порядка включало также аналогичную веру в возможность установления свободной торговли с подземными силами,

“Которые прячутся в засаде, в своем земляном укрытии,
И, быстро заслышав наши заклинания, устремляются ввысь”;

и из этих теоретических воззрений, однажды установленных и претворенных в жизнь, естественным следствием вытекли все ужасы тех бурных времен. Ибо таким образом царства света и тьмы вступили в открытое противоборство: если сатана был готов по первому зову послать своих духов, подобно швейцарским наемникам, то истинно верующему стало в равной степени необходимо восстать против него с оружием в руках, с огнем и мечом; любое колебание с его стороны было истолковано как отступничество, и тот, кто сам не хотел подвергаться преследованиям, был вынужден в целях самозащиты стать преследователем.

Поскольку великий постулат о прямом дьявольском вмешательстве был однажды принят и спокойно признан всеми, любая абсурдность, какая бы она ни была, легко прививалась к нему. Сатана, таким образом, был как бы возвращен домой, в дела и лоно людей, и каждый размышлял о его привычках и поведении в соответствии со своим собственным пониманием; и вскоре безумные фантазии умов, обезумевших от природы, болезней или несчастий, отраженные и повторяемые со всех сторон, объединились в кодекс или систему веры, которая,

будучи внедрена в разум с помощью самых ранних зачатков обучения, сковала своим пагубным влиянием даже самые сильные интеллекты. Могучие умы Лютера, Кальвина и Нокса, столь быстро обнаруживавшие ошибку, столь неустрашимые и беспощадные в ее разоблачении, покорно подчинились ее власти; честный и способный сэр Мэтью Хейл вынес в 1664 году смертный приговор двум бедным женщинам, обвиненным в колдовстве, а сэр Томас Браун, историк “Вульгарных ошибок”, допрошенный на процессе в качестве свидетеля, выразил мнение, что припадки, от которых страдали пациентки, хотя и были естественными сами по себе, были “усилены дьяволом, сотрудничавшим с ними”. злоба ведьм, по чьему наущению он творил злодеяния!" и, очевидно, обвинительный приговор был вынесен главным образом на основе этих доказательств.

На самом деле, несоответствия и непоследовательность верований ведьм того времени также не были настолько рассчитаны, как могло показаться на первый взгляд, на то, чтобы пробудить умы людей к радикальному безумию этой веры. Налет нелепости, присущий почти всем деяниям сатаны и его спутников, достаточно естественно возник из монашеского представления о сатане и, как можно предположить, не противоречит характеру группы существ, чьи поступки, конечно, не могут быть похожи ни на поступки людей, ни на поступки ангелов. В монашествующем сатане нет достоинства: душой и телом он низок и уродлив.

“Gli occhi ha vermigli, e la barba unta ed atra,
E ’l ventre largo, ed unghiate le mani,
Graffia gli spirti, gli scuoja, ed isquatra[12].”

Его обезьяньи трюки и сатиropодобные прыжки были в достаточной степени созвучны идее духа с безграничной злобой, но ограниченными способностями, ухмыляющегося там, где он не мог причинить вред, и высмеивающего те священные обряды, силу которых он был вынужден признавать и подчиняться. Поэтому он проповедует своей адской пастве и насмехается над институтом причастия; сеет свою врожденную злобу даже на своих собственных приверженцев; подвергает свои введенные в заблуждение жертвы в нищету или покидает их в их бедственном положении, лишает их обещанной награды; изводит и мучает добрых, но съезживается всякий раз, когда ему оказывают смелое сопротивление, и сразу же терпит поражение от любого, кто по поручению обладает громами небесными. Писатели-фантасты вообще редко улавливали эти черты его характера; действительно, вряд ли кто-нибудь сделал это, за исключением Хоффмана, который в большинстве своих сверхъестественных картин изобразил его не величием и угрюмым мраком падшего архангела, а грубой и комической злобой духа средневековья и, таким образом, в целом усилил реальный ужас своих сцен с гоблинами, добавляя эти вспышки веселья, точно так же, как ужасающий эффект казни был бы усилен, если бы преступник, вместо того чтобы присоединиться к молитвам, должны были внезапно зазвучать оживленные голоса с верхней площадки лестницы.

Но было ли, таким образом, заблуждение о колдовстве естественным следствием монашеских представлений о злом принципе и почти всеобщего убеждения в том, что общение с существами высшего порядка возможно для человека, никто не может бросить взгляд на его историю, не убедившись, что всеобъемлющий характер его влияния и его длительная продолжительность были обусловлены уголовными законами и судебными преследованиями. Это добавляет еще один к длинному списку примеров, доказывающих, что нет такого мнения, каким бы абсурдным и отвратительным оно ни было, которое не нашло бы верующих и

мучеников, если бы однажды стало предметом преследований. Несомненно, эта вера существовала с самых ранних эпох христианства и, должно быть, время от времени использовалась сильными умами как инструмент устрашения слабых; но все же структура самого общества не была поколеблена, и, за одним исключением^[13], преступление не начало фигурировать в истории, пока Булла Иннокентия VIII в 1484 году не раздула дремлющие угли в пламя.

Мы подозреваем, что наши читатели имеют весьма несовершенное представление о масштабах ужасов, которые творились на протяжении двух с половиной последующих столетий; мы помним, как во сне, что по этому обвинению иногда сжигали людей, и в памяти могут всплыть одно или два примечательных рассказа из наших собственных летописей или летописей Континента. Но о масштабах этих судебных убийств никто, кто хоть немного не разбирался в истории демонологии, не имеет ни малейшего представления. Как только Иннокентий передал свое дело об огне и мече в руки Шпренгера и его братьев, и обычная форма процесса для судебного разбирательства этого преступления была изложена в этом беспрецедентном представлении ‘Молот малефикарум’, которое задумывалось как богословский и юридический комментарий к Булле, раса ведьм, кажется, сразу же стала увеличиваться и множиться, пока не заполнила землю. Первоначальный эдикт о преследовании был приведен в исполнение последовательными буллами печально известного Александра VI в 1494 году (которому сатана, возможно, действительно адресовал замечание “и ты скотина!”), Льва X в 1521 году и Адриана VI в 1522 году. И все же единственным результатом этих распоряжений было то, что зло с каждым днем становилось все более грозным, пока, наконец, если верить свидетельствам современных историков, Европа не стала немногим лучше большого пригорода или предместья Пандемониума. Половина населения была либо очаровательной, либо околдованной. Дельрио сообщает нам в своем предисловии, что 500 ведьм были казнены в Женеве за три месяца, примерно в 1515 году. Тысяча, говорит Бартоломеус де Спина, была казнена за один год в епархии Комо, и некоторое время после этого их сжигали по сто человек в год. В Лотарингии с 1580 по 1595 год Ремигиус хвастается, что сжег 900 человек. Количество казней во Франции около 1520 года невероятно; Даней в первой части своего диалога о ведьмах называет это “*infinitem pene veneficorum numerum*”. Хорошо известный колдун, *Труа Эшель*, сообщил Карлу IX, когда тот находился в Пуату, имена 1200 своих сподвижников. Этот расчет соответствует более разумной версии истории Мезере, поскольку автор “Дневника Ренэ де Генриха III” приводит цифру 3000, а Бодинус, не удовлетворенный даже этим допущением, добавляет шифр и подсчитывает общее возвращение ведьм, осужденных Труа Эшель, в размере 30 000, хотя в то же время выражает некоторые сомнения относительно правильности этого отчета.

В Германии, о которой действительно упоминалась булла Innocent, эта чума свирепствовала до почти невообразимой степени. Бамберг, Падерборн, Вюрцбург и Тревес были ее главными центрами, хотя в течение полутора столетий после введения судебных процессов в рамках комиссии ни одна четверть этой великой империи не была свободна от ее пагубного влияния. Было бы утомительно и отвратительно вдаваться в подробности этих зверств, но “*ab uno disce omnes*”. Каталог казней в Вюрцбурге за период с 1627 по февраль 1629 года, то есть примерно за два года и два месяца, напечатан Хаубером в заключении его третьего тома ‘*Acta et Scripta Magica*’. Он регулярно разделен на двадцать девять сожжений и содержит имена 157 человек, при этом Хаубер заявляет, что каталог неполон. Невозможно читать этот каталог без ужаса. Большая часть его состоит из пожилых женщин или иностранных путешественников, захваченных, по-видимому, как иностранцы были в Париже во времена Марата и Робеспьера:

здесь дети двенадцати, одиннадцати, десяти и девяти лет, четырнадцать викариев кафедрального собора, два мальчика из благородных семей, два маленьких сына (*сенлейн*) сенатора Штольценбурга; незнакомый мальчик; слепая девочка; Гобель Баблен, самая красивая девушка Вюрцбурга, и т.д.

“Sanguine placârunt Divoset *virgine cæsá!*”

И все же, каким бы устрашающим ни казался этот список из 157 человек, казненных за два года, их число не (с учетом населения Вюрцбурга) так велико, как в процессе Линдхейма с 1660 по 1664 год. Ибо в этом маленьком округе, насчитывавшем самое большее шестьсот жителей, тридцать человек были осуждены и преданы смерти, что составило двадцатую часть всего населения, уничтоженного за четыре года.

К каким ужасным результатам приводят эти данные! Если мы примем 157 казней за справедливое среднее число казней в Вюрцбурге (а в самом каталоге указано, что список ни в коем случае не был полным), то количество казней там за столетие, предшествующее 1628 году, составит 15 700. Мы знаем, что с 1610 по 1660 год была великая эпоха процессов над ведьмами, и что уже в 1749 году Мария Рената была казнена в Вюрцбурге за колдовство; и хотя следует надеяться, что в промежутке между 1660 годом и этой датой количество этих ужасов уменьшилось, нет никаких сомнений в том, что к уже указанному количеству следует добавить несколько тысяч. Если бы Бамберг, Падерборн, Треверс и другие католические епископства, чье рвение было не менее пылким, предоставили равный контингент, и если бы протестанты, как мы знаем[14], фактически соперничали с ними в степени проявления этих жестокостей, число жертв со дня издания буллы Иннокентия до окончательного прекращения этих преследований должно было значительно превышать 100 000 человек в Германии.

Даже чувство ужаса, вызванное чтением вюрцбургских убийств, возможно, превосходит то, которое должен вызвать другой документ, касающийся положения дел в 1629 году: а именно баллада на тему этих казней, подробно описывающая в собачьих стихах страдания несчастных жертв, “которую поют на мотив Доротеи” — обычная уличная песня того времени. Она озаглавлена “*Druten Zeitung*”, или Хроника ведьм, “представляющая собой отчет о замечательных событиях, произошедших во Франкони, Бамберге и Вюрцбурге с теми негодьями, которые из-за жадности или честолюбия продались дьяволу, и о том, как они наконец получили свою награду; положенную на музыку и спетую под музыку Доротеи”. Он также украшен какими-то отвратительными деревянными приспособлениями, изображающими трех дьяволов, хватающих людей за волосы на их головах, ногах и т.д. и утаскивающих их прочь. Она начинается и завершается некоторыми благочестивыми размышлениями о вине ведьм и волшебников, о судьбе которых она вспоминает с величайшим ликованием и удовлетворением. В частности, один прием, с помощью которого ведьму, упорно сопротивлявшуюся пыткам, принуждают к признанию, а именно, отправляя в ее тюрьму палача, переодетого ее фамильяром (Буль Тойфель), кажется, вызывает особое одобрение автора, который называет это превосходной шуткой; и, без сомнения, смысл этого в его глазах был значительно увеличен тем соображением, что после признания, как оно было названо, полученного таким образом, несчастная была немедленно предана огню[15]. Что мы должны думать о состоянии чувств в стране, где эти ужасы, таким образом, стали предметом периодических баллад и положены на музыку для развлечения населения[16]?

Одним из фатальных последствий настойчивости, с которой сатана и его дела были таким образом выставлены на всеобщее обозрение, стало то, что тысячи слабых и развращенных умов были фактически приведены к убеждению, что они установили связь со злым существом и что видения, которые так долго преследовали мозг Шпренгера и его соратников, воплотились в их собственном случае. Только так мы можем в какой—то мере объяснить странные признания, составляющие большую особенность процессов над ведьмами, где несчастные существа, с полным знанием своей судьбы, признают свои сношения с сатаной, свои ночные встречи, заклинания, свои отношения с духами, “белыми, черными и серыми, со всей их чепухой”, гротескные ужасы шабаша, — короче говоря, каждый дикий и невозможный фантазм, получивший цвет и тело в “Молоте”, - и, казалось, были совершенно удовлетворены тем, что они полностью заслужили огненный суд. судебный процесс, которому они немедленно подверглись из-за своего признания. Когда мы читаем эти процессы, мы думаем о влиянии еврейской скрипки в сказке братьев Гримм; мы видим, как заблуждение распространяется подобно эпидемии от одного к другому, пока сначала свидетели, затем судьи и, наконец, сами бедные преступники не поддаются головокружительному водовороту и не исчезают под его влиянием, подобно танцующим дервизам.

Верно то, что во многих случаях, и особенно в тех, которые произошли в начале семнадцатого века, когда дьявольские доктрины Шпренгера и Дельрио были в полном расцвете сил, признания, на которых основывались эти обвинения, добивались с помощью пыток, моральных и физических, и часто от них отказывались, пока новое применение дыбы не приводило к новому признанию. Один экземпляр от Дельрио может заменить тысячу. Он упоминает, что несчастного джентльмена в Вестфалии двадцать раз подвергали пытке “*vicies sevævæ quæstioni subditum*”, чтобы заставить его признаться, что он был оборотнем! Всем этим пыткам он сопротивлялся до тех пор, пока палач не дал ему опьяняющего напитка, и под его воздействием он признался, что, в конце концов, он *был* оборотнем. “*En judicium clemens arbitrium*”, - говорит Дельрио, - “дело за судом в *illis partibus aquilonaribus*”. — Посмотрите, какие долготерпеливые мы, судьи на севере! мы никогда не приговариваем наших преступников к смерти, пока не подвергнем их двадцати предварительным пыткам! Это вполне в духе другого достойного жителя Германии, которого раздражало упорство ведьмы, которая, подобно бедному оборотню, упорно отстаивала свою невиновность. “*Da liess ich sie tüchtig foltern*, — говорит инквизитор, — “*und sie gestand*”; я жестоко пытал ее (пытка длилась четыре часа), и она призналась! Кто действительно при такой системе не признался бы? Смерть была неизбежна в любом случае, и главной целью было достичь этого завершения с наименьшей подготовительной болью. “Я ездил, - говорит сэр Джордж Маккензи, - когда я был заместителем судьи, допросить нескольких женщин, которые признались в судебном порядке. Одна из них, глупое создание, сказала мне, что она не призналась, потому что была виновна, но, будучи бедным созданием, которое работало ради своего мяса, и будучи опороченной как ведьма, она знала, что умрет с голоду, потому что после этого никто не даст ей мяса или ночлега, и что все мужчины будут бить ее и натравливать на нее собак, и что поэтому она хотела уйти из этого мира. После чего она горько заплакала и, стоя на коленях, призвала Бога в свидетели того, что она сказала^[17].” В других случаях пытки применялись не только к отдельному обвиняемому, но и к его родственникам или друзьям, чтобы добиться признания. В случае Элисон Пирсон^[18] выясняется, что ее дочь, девятилетнюю девочку, поместили *впилливинки*, а ее сын получил около пятидесяти ударов *ботинками*. Там, где пытка не применялась физически, ужас, замешательство и влияние других людей часто производили такой же эффект на слабые умы

обвиняемых. В случае с ведьмами Новой Англии в 1696 году шесть бедных женщин, которые были освобождены в общей тюрьме - доставка, которая произошла после того, как это царство террора начало спадать (и которые все ранее признались, что были виновны в вменяемом им колдовстве), отказались от своих признаний в письменной форме, приписав их испугу, вызванному их внезапным захватом и заключением. "И действительно," сказали они, - то признание, которое, как говорят, мы сделали, было ничем иным, как тем, что было предложено нам некоторыми джентльменами, они сказали нам, что мы ведьмы, и они знали это, и мы знали это, и они знали, что мы знали это, что заставило нас думать, что это так, и наше понимание, наш разум и наши способности почти иссякли, мы не были способны судить о нашем состоянии. И большая часть того, что мы сказали, была всего лишь согласием с тем, что они сказали[19].

Но хотя, несомненно, большая часть этих признаний, которые поначалу имели тенденцию продлевать это заблуждение, были получены под пытками или вопреки действительному убеждению обвиняемого, невозможно отрицать, что во многих случаях признания были добровольными и исходили из действительной веры. Неудивительно также, что люди слабого и меланхолического темперамента, особенно в то время, когда явления природы и человеческого организма были так мало поняты, были склонны приписывать каждое происшествие, которое они не могли объяснить, и каждый дикий фантазм, приходивший им в голову, прямому и непосредственному действию злой силы. В тот период даже самые естественные события приписывались колдовству. Если ребенок после прикосновения подозреваемого умирал или заболел, судороги приписывались дьявольскому вмешательству, как в случае с Уэнхемом, еще в 1712 году[20]. Если же, напротив, она лечила, а не убивала, вывод был тот же, хотя единственным применяемым заклинанием могла быть молитва Всевышнему[21]. Если кошка старухи, приходя ночью к двери, принимала участие в концерте с другими кошками, это было не что иное, как переодетая ведьма[22]. В случае Роберта Эрскина из Дана[23], которого судили за убийство своих племянников, ему предъявлено обвинение в том, что он покончил с ними путем *отравления и колдовства*, как будто отравления само по себе было недостаточно для объяснения их смерти.

Еще менее удивительно, что те таинственные явления, которые иногда происходят в организме человека, такие как самовозгорание, галлюцинации, возникающие из-за состояния мозга и нервов, и оптические обманы, казались страдальцам делом рук дьявола, к чьим добрым услугам они, весьма вероятно, могли бы прибегнуть в каком-нибудь приступе уныния или мизантропии, не ожидая, что им поверят на слово, подобно бедняге из басни, который призывал Смерть. Какой "Словарь ужасов" представляли бы собой призраки Николая в шестнадцатом веке или в начале семнадцатого, если бы они были воплощены на страницах "Молоточка" или "Жгутика Демона", вместо того чтобы быть тихо опубликованными пациентами в качестве оптических и медицинских феноменов в 'Berlinische Monatschrift' за 1799 год и в 15-м томе 'Философского журнала'! Какой пугающий проблеск в адский мир могли бы дать еще более ужасные иллюзии, которые преследовали бедного Бачко из Кенигсберга[24] во время его политической деятельности в 1806 году; ухмыляющийся негр, сидевший напротив него, мучитель с совиной головой, который каждую ночь паялся на него из-за занавески, змеи, извивающиеся вокруг его колен, когда у него менструации! Если мы вернемся к 1651 году, то обнаружим, что наш англичанин Якоб Беме, Пордедж[25], описывает видения, которые, должно быть, были точно такого же рода, возникающие в результате возбужденного состояния мозга, с самой полной убежденностью в их реальности. Его филадельфийские ученики Джейн Лид, Томас Бромли,

Хукер, Саппертон и другие на первом собрании своего общества были удостоены видения несравненного великолепия. Князья и силы адского мира проходили перед ними на смотр, сидя в каретах, окруженных темными облаками и запряженных *кортежем* из львов, драконов, тигров и медведей; затем следовали низшие духи, выстроенные в эскадроны с кошачьими ушами, когтями, искривленными конечностями и т.д.; закрывали они глаза или держали их открытыми, явления были одинаково отчетливыми; “ибо мы видели, - говорит главный дух Пордидж, - глазами ума, а не тела”.

И формы, которые приходят не по зову смертных,
Не уйдут, когда прикажут голоса смертных.
Повелители провидческого ока, чье веко
Однажды поднятое, остается ошеломленным и не опускается[26].”

Таким образом, в то время как явления, которые с тех пор опыт показал как совершенно естественные, повсеместно приписывались сверхъестественным причинам, люди стали наиболее близки к духовным существам всех видов. В конце шестнадцатого века доктор Ди, согласно его собственному рассказу, и мы искренне верим его собственному убеждению, был в близких отношениях с большинством ангелов. Его брат-врач, доктор Ричард Нейпир, родственник изобретателя логарифмов, получал почти все свои медицинские рецепты от ангела Рафаэля. У Элиаса Эшмоула было огромное количество этих квитанций, занимавших примерно полтора квайра бумаги[27]. На самом деле, можно было бы почти предположить, что в то время мало кто снисходил до лечения естественными средствами. Посмотрите на благожелательные лекарства Валентина Грейтрейкса и сэра Кенелма Дигби; или на случай Райза Эванса, о котором сообщает Обри, у которого “был грибковый нос, и которому *открылось*, что рука короля вылечит его; и при первом появлении короля Карла II в Сент-Джеймском парке он поцеловал руку короля и *потерял* нос, что *обеспокоило* короля, но *вылечило* его”. Во времена Обри призраки также стали настолько частыми, что у них были свои выходы и они могли исцелять его. их входы не вызывают ни малейших ощущений. Обри делает запись в своем дневнике о появлении призрака так же хладнокровно, как современный торговец делает запись в своей бухгалтерской книге. “Anno 1670. Недалеко от Сайренчестера было видение. Когда его спросили, добрый он или злой, ответа не дал, но исчез со странным ароматом и мелодичным звоном”.

Стоит ли тогда удивляться, что, окруженные со всех сторон такими суеверными фантазиями, слабые и развращенные люди рано уверовали в то, что все дикие химеры демонологов были правдой, и что они действительно заключили тот завет с сатаной, возможность которого повсеместно внушалась как символ веры и идея которого постоянно присутствовала в их умах? или что под влиянием этого ужасного заблуждения они должны добровольно признаться в своем воображаемом преступлении, как в амстердамском деле бедной девушки, которая обвинила себя в том, что заколдовала скот словами Shurius, Turius, Tirius[28], или в другом еще более примечательном случае 1687 года, упомянутом в “Бейтраге” Рейхарда, где молодая женщина обвинила себя, свою подругу и мать своей подруги в длительном занятии колдовством, со всеми обычными традиционными и невозможными ужасами прошлого. Шпренгер и его братья?

И, боюсь, нет особых причин сомневаться в том, что некоторые из самых ужасных их представлений были основаны на фактах, которые были слишком реальны; что хитрые и

развращенные люди ухитрялись использовать экстаз и страхи этих несчастных в своих собственных целях; короче говоря, что мошенничества, подобные тем, которые Боккаччо изобразил в своем романе об ангеле Гаврииле, иногда разыгрывались на обманутых жертвах. Не вдаваясь далее в тему довольно деликатного характера, читатель поймет, что мы имеем в виду, если вспомнит разоблачения, имевшие место в известном французском деле отца Жирара и Ла Кадьер.

Много говорилось о чудесных совпадениях, которые можно обнаружить в показаниях обвиняемых при рассмотрении их по отдельности, о мельчайших деталях и общей гармонии адских повествований, собранных на судебных процессах над ведьмами в разных странах. Но правда в том, что к этому утверждению, во-первых, следует относиться с большими ограничениями; ибо во многих случаях, когда, принимая утверждения Шпренгера и остальных как истинные, мы должны предполагать полное совпадение, оригинальные признания, которые все еще существуют, доказывают, что сходство было лишь общим и что существовали радикальные и непримиримые различия в деталях доказательств. Поскольку утверждение действительно верно, одно простое объяснение значительно объясняет это явление; — “*Insanire parent certâ ratione modoque*”. Общие представления о дьяволе и его поведении, обрядах адского шабаша и т.д. были однажды зафиксированы, видения, которые посещали умы обвиняемых несчастных, вскоре приняли довольно определенную и неизменную форму; так что, даже если бы им предоставили рассказывать свою собственную историю, между рассказами разных людей было бы самое тесное сходство. Но это было еще не все. Почти в каждом случае признания были просто отголоском вопросов, заданных инквизиторами, все из которых, опять же, были основаны на демонологическом кредо “Маллеус”. Всем ведьмам задается один набор вопросов, и ответы, которые почти всегда являются простыми утверждениями, обязательно совпадают. Поэтому достаточно забавно наблюдать, насколько разными были результаты, когда процесс расследования попал в руки лиц, которым руководство Шпренгера было неизвестно. На процессах Линдхейма в 1633 году, на которые мы уже ссылались, инквизитором оказался старый солдат, который был свидетелем нескольких кампаний Тридцатилетней войны, и который, вместо того, чтобы ломать голову над инкубами, Суккубами и другими любимыми объектами расследования учеников Молота, стремился только установить, кто была королевой адских духов, генералом, офицерами, *капралами* и т.д., На все из которых он получил ответы столь же четкие и удовлетворительные, как и те, что записаны для нашего обучения в хрониках о Бодинусе или Дельрио.

В семнадцатом веке способ, которым передавалось это заблуждение, кажется, в точности напоминает те замечательные примеры сочувствия, которые встречаются в случаях обращения шотландских камбуслангов и проповедей в американских Лесах. Не успел один ипохондрик опубликовать свои симптомы, как пятьдесят других сразу почувствовали, что страдают тем же расстройством. В знаменитом деле Мора в 1669 году, с которым, конечно, знакомы все читатели Гланвиля (а кто из них не заглядывал иногда в его ужасы?). как известно, болезнь распространяется сначала через детей, которые считали себя жертвами дьявольского воздействия и которые приписывали судороги, обмороки и т.д., с которыми на них нападали, этой причине; а затем через самих несчастных ведьм, ибо как только одна или две из них, залившись слезами, признавались, что обвинение детей было правдой, все остальные присоединялись к признанию. И какова природа их признания? Из всех невероятных нелепостей, которые когда-либо приходили в голову человеку, этот судебный процесс является воплощением. Они встречаются с дьяволом каждую ночь на Блокуле, который в Швеции

является бальным залом дьявола, как Брокен в Германии; они едут туда на палках, козлах, мужских спинах и вертелах; их крестит священник, предоставленный дьяволом; они ужинают с ним, как кажется, очень скромно, поскольку пир обычно состоит из бульона, приготовленного из капусты и бекона, овсянки, хлеба с маслом, молока и сыра; и дьявол не допускает вина. После ужина они танцуют, и когда дьяволу хочется быть особенно веселым, он вытаскивает из-под них вертела и избивает их до синяков, после чего садится и безобразно хохочет. Иногда он угощает их игрой на арфе, потому что у него большой талант к музыке, о чем свидетельствует его знаменитая соната Тартини. Все они признаются в общении с ним[29], и у большинства из них были от него сыновья и дочери. Время от времени он заболел, и ему требовалось пускать кровь и натирать волдыри; а однажды он, казалось, умер, и по этому случаю в Блокуле был объявлен всеобщий траур по нему, подобно тому, как сирийские девушки оплакивали ежегодное ранение своего кумира Таммуза в Ливане. Разве не страшно подумать, что на процессе, проводимом трибуналом, состоящим из *элиты* провинции Далекарлия, которому помогали комиссары из столицы, — в стране, где до этого времени о мании ведьм, уже начавшей ослабевать в Германии, едва ли слышали и где она прекратилась, возможно, раньше, чем в большинстве других стран Европы, — семьдесят две женщины и пятнадцать детей должны были быть осуждены и казнены одновременно на основании таких признаний? Возможно ли после этого читать без содрогания хладнокровное, как газета, заключение доктора Хорнека: “25 августа была казнена заведомо виновная, *день был ясный и славный, светило солнце*, и несколько тысяч человек присутствовали на зрелище!”

Тридцатью годами ранее аналогичный случай распространения эпидемии произошел в Лилле, в больнице, основанной благочестивой энтузиасткой Антуанеттой Буриньон. Однажды, войдя в классную комнату, она представила, что видит множество маленьких черных детей с крыльями, летающих над головами девочек; и, не обратив внимания на цвет кожи или внешность этих посетителей, она предупредила своих учениц, чтобы они были настороже. Незадолго до этого девушка, сбежавшая из учреждения вследствие заключения за какой-то проступок, в совершении которого она была виновна, будучи допрошенной, как ей удалось сбежать, и не желая, вероятно, раскрывать правду, утверждала, что ее освободил дьявол, служению которому она посвятила себя с детства. В тот век *дьявольщины* больше ничего не требовалось, чтобы вскружить головы бедным детям; в течение шести месяцев почти все девочки в больнице, а их было более пятидесяти, признали себя закоренелыми ведьмами и признались в обычных сношениях с дьяволом, полуночных собраниях, танцах, банкетах и т. Д., Которые составляют основу повествования того времени. Однако их идеальные банкеты, по-видимому, были более щедрыми, чем у бедных ведьм Мора; вероятно, потому, что многие ученицы привыкли к лучшей пище в густонаселенном и богатом городе Фландрии, чем остальные в бедной деревне Швеции. За этим поразительным открытием последовали всевозможные экзорцизмы и молитвы. Капуцины и иезуиты поссорились, капуцины безоговорочно верили в реальность одержимости, иезуиты сомневались в этом. Родители преступницы теперь поменялись ролями с бедняжкой Буриньон, обвинив ее в том, что она околдовала их; и, наконец, благочестивая теософ, после допроса в Совете, была рада спастись бегством; таким образом, получив более ясное представление, чем у нее было раньше, о царстве сатаны, относительно которого она вынашивала и публиковала столько же странных фантазий, сколько епископ Беневенто; и будучи научена на собственном опыте опасности воздействия на юношеские умы, в которых так долго укоренялись суеверия, она решила, что это не так. что требовалась всего лишь искра из ее перегретого мозга, чтобы разжечь это пламя.

Представляется также, что физические причины, и в частности нервные расстройства особого рода, примерно в это время смешались с заблуждением, которое возникло в результате этих суеверных представлений о дьяволе и его влиянии, и усилили его. В течение того самого года (1669), когда дети в Мора страдали от конвульсий и обмороков, дети в Сиротской больнице в Хорне, в Голландии, страдали точно таким же недугом; но хотя эти явления были приписаны дьявольским силам, подозрения общественности, к счастью, не были направлены на какого-либо конкретного человека. Другой случай того же рода произошел около столетия назад в Сиротской больнице Амстердама, о котором подробно рассказывается в книге Дэппера "История этого города", где число детей, предположительно заколдованных, достигало примерно семидесяти и где зло приписывалось нескольким несчастным старухам, перед домами которых пострадавшие сорванцы, когда их выводили на улицы, вели себя более чем обычно шумно. Это также, по-видимому, было основной причиной трагедий в Новой Англии в 1699 году; демонстраций демонов в Лаудоне, которые были использованы как предлог для убийства несносного Грандье; странных инцидентов, произошедших не далее как в 1749 году в монастыре Унтерцелль в Вюрцбурге; и большинства других более примечательных случаев предполагаемого одержания. Таинственный принцип сочувствия, действующий в слабых умах, на самом деле лежит в основе большинства необычных явлений в истории колдовства. Неудивительно поэтому, что после столетнего опыта судьи и даже сама невежественная публика в конце концов пришли к подозрению, что, как бы ни был применен этот принцип к другим преступлениям, признание преступника в делах о колдовстве не является *лучшим* доказательством факта. В делах Новой Англии, говорит м-р Калеф (25 апреля 1693 г.), "судили одну, которая призналась; но теперь их так хорошо научили, какой вес придавать признаниям, что присяжные признали ее невиновной, хотя она и призналась в содеянном".

Но какой поток крови был пролит еще до того, как этот принцип был признан, и еще больше до того, как судебная вера в существование преступления была полностью искоренена! Какое зрелище представляет собой Европа со времен Буллы Иннокентия вплоть до начала восемнадцатого века! Шпренгер, Генрих Инститор, Гейсс фон Линдхайм и другие в Германии; Куманус в Италии; инквизиция в Испании; Ремигиус, Бодинус и ДеЛанкр во Франции и Лотарингии, забивающие ведьм со всех сторон "Молотом Малефикарум" или забивающие их до смерти "Жгутиком" и "Fustis Dæmonum"; Голландия, Женева, Швеция, Дания, Англия и Шотландия соперничают друг с другом по количеству судебных процессов и глубине их последствий. страстное увлечение и фанатизм!

Реформация, искоренявшая другие ошибки, только усилила это. Каждый город и деревня на континенте были наполнены шпионами, обвинителями и негодьями, которые зарабатывали себе на жизнь, притворяясь, что обнаруживают тайные знаки, указывающие на соглашение с дьяволом[30], — инквизиторами, судьями, адвокатами, палачами, всеми, кто был связан с этими ужасными трибуналами, следящими за всем, что могло вызвать подобие подозрения. Чтобы обеспечить смерть или разорение врага, в большинстве случаев не требовалось ничего большего, чем бросить в пасть этому льву обвинение в магии против него. "Vix aliquis eorum," говорит Линден, решительный противник подобных разбирательств, "qui accusati sunt, supplicium evasit". Судьба Эделин, Урбана Грандье и маршалши д'Анкр во Франции, доктора Фле и Сидонии фон Ворк в Германии и Питера из Абано в Италии[31], доказывает, как часто обвинения в колдовстве даже не верили сами обвинители, а прибегали просто как к определенному средству избавиться от несносного врага. Тем временем нотариальные клерки и чиновники, трудившиеся по своему призванию, разбогатели на огромных гонорах,

сопутствующих этим судебным процессам; палач стал фигурой первого ранга: “generoso equo instar aulici nobilis ferebatur, auro argentoque vestitus: uxor ejus vestium luxu certabat cum nobilioribus[32]”. Некоторое частичное ослабление этого преследовательского рвения произошло вследствие Рескрипта Иоанна VII (18 декабря 1591 г.), адресованного комиссии, которым судебные издержки были ограничены в более умеренных пределах; но все же прибыли, получаемой от этой торговли человеческими жертвами, были достаточными, чтобы побудить членов и иждивенцев двора, подобно браминам в Индии, изо всех сил поддерживать эту систему очищения огнем.

Наконец, однако, ужасы Вюрцбурга и Тревеса начали открывать глаза даже самым тупым на надвигающуюся опасность, которая, начавшись подобно облаку Илии, постепенно затмила землю. В то время как казни проводились только для низших классов, для обезумевших старух или несчастных иностранцев, даже те, чей более сильный интеллект позволял им противостоять народной заразе, предпочитали сидеть зрителями этих ужасов, чем подвергать себя участи Эделин или Флаета, нападая на безумие, в котором они зародились. Но теперь, когда эпидемия, распространяясь все дальше и дальше, угрожала жизням более высокопоставленных жертв, — когда список аристократов и аббатов, председателей судов и профессоров начал пополняться, и когда ни один человек не чувствовал себя в безопасности от того, что его внезапно не заставят под пытками свидетельствовать против собственной невинной жены или детей, — эгоизм начал сотрудничать с истиной и разумом. Таким же образом, в случае с колдовством в Новой Англии первой эффективной мерой пресечения, которую они получили, было обвинение миссис Хейл, жены священника: ее муж, который до тех пор принимал самое активное участие в преследовании, немедленно пролил новый свет на сделку и применил все свое влияние для пресечения судебных процессов.

Первый решительный удар, нанесенный доктринам инквизиторов в Германии, был нанесен публикацией ‘Предостережения криминалиса’ в 1631 году. В шестнадцатом веке, правда, Понцонибиус, Виерус, Пьетро д’Апоне и Реджинальд Скотт опубликовали работы, которые ставили под сомнение всю их деятельность; но работы иностранцев были почти неизвестны в Германии, а работы Вируса были почти такими же абсурдными и суеверными, как доктрины, с которыми он боролся. Мало чести реформаторам в том, что первым произведением, в котором этот вопрос рассматривался с философской, гуманной и здравомыслящей точки зрения, была постановка католического иезуита Фредерика Шпее, потомка знатной семьи из Вестфалии. Это разоблачение ужасов процессов над ведьмами так сильно подействовало на сознание Иоанна Филиппа Шенбрунна, епископа Вюрцбургского и, наконец, архиепископа и курфюрста Менца, что его первой заботой при принятии избирательного сана было полностью отменить этот процесс в своих владениях — примеру, которому вскоре последовали герцог Брауншвейгский и другие немецкие князья. Вскоре после этого тьма начинает рассеиваться, и появляются лучшие виды, хотя все еще подверженные частичным и временным затемнениям, — зло, по-видимому, перемещается дальше на север и вновь появляется в Швеции и Дании в форме судебных процессов в Мора и Фиодже. Рейхард[33] опубликовал рескрипт Фридриха Вильгельма, курфюрста Бранденбургского, датированный 4 ноября 1654 года, адресованный судьям в связи с делом Энн из Эллербрука, предписывающий, чтобы заключенному было разрешено выступить в защиту, прежде чем прибегать к каким-либо пыткам (принцип, прямо противоположный тем, которых придерживаются инквизиционные суды), и прямо осуждающий доказательство водой как несправедливый и лживый тест, которому не следует придавать значения. Даже там, где выносятся обвинительный приговор, как на Нойендорфском процессе

над Екатериной Семпельс, мы находим смертный приговор, впервые вынесенный ей провинциальными судьями, замененный Избирательной палатой пожизненным заключением в 1671 году — степень снисхождения, которая никогда не могла иметь места в разгар мании.

В 1701 году знаменитая инаугурационная диссертация Томазиуса "О преступлении магов" была публично прочитана под самые громкие аплодисменты в Университете Галле - труд, который примерно пятьдесят лет назад, несомненно, не принес бы автору никакой другой короны, кроме венца мученичества, но который теперь был принят с общим одобрением, как воплощающий взгляды, которых давно придерживались честные и умные люди. Огромным кладезем информации и аргументов Томазиуса была работа Беккера, который опять же взял за образец свой трактат Ван Дейла об оракулах; и Томазиус, хотя и принимал его факты и аргументы, избегал тех картезианских доктрин, которые были главной причиной того, что работа Беккера произвела так мало практического эффекта. И все же, несмотря на произведенное таким образом благо, огонь преследований, по-видимому, был только задушен, а не потушен. В 1728 году оно снова вспыхнуло в Сегедине в Венгрии, где тринадцать человек были сожжены заживо на трех эшафотах за колдовство при обстоятельствах, достойных самых диких периодов этого безумия. И вот в 1749 году появляется ужасающая история Марии Ренаты из Вюрцбурга, все официальные подробности которой опубликованы Хорстом, и которая по своей жестокости достойна того, чтобы завершить длинную серию убийств, запятнавших анналы Бамберга. Этот судебный процесс примечателен чувством отвращения, которое он, по-видимому, вызвал в Германии, Италии и Франции; и тем более, что, что бы ни думали о реальности ее претензий, из свидетельств, по-видимому, не вызывает сомнений, что Мария ни в коем случае не была безупречной, но *была* знатоком заклинаний и зелий, *венефикой* в смысле феодосийского кодекса. Но, как говорит Соломон, всему свое время под солнцем; и слава "Маллеус Малефикарум" канула в лету. Следствием этого стало то, что, взяв этот судебный процесс за основу, различные иностранцы, в частности Маффеи, Тартаротти и Делл'Осса, так яростно атаковали систему, что с тех пор приверженцы старого суеверия, похоже, покинули это поле деятельности в Германии.

В Швейцарии и Франции дела подошли к концу гораздо раньше. Говорят, что в католическом кантоне Гларус ведьма была сожжена еще в 1786 году; но в протестантских кантонах, по-видимому, никаких судебных процессов за последние два столетия не проводилось. Последней казнью в Женеве была казнь Мишеля Шодерона в 1652 году. Себастьян Михаэлис действительно хочет заставить нас поверить, что в свое время трибунал в Женеве не приговаривал преступников, обвиняемых в колдовстве, к смертной казни, если только не было доказано, что они действительно причинили вред людям или животным, и что другие явления, такие как признания и т.д., рассматривались как простой психический бред. Однако, если так было изначально, то, к сожалению, от этого гуманного правила вскоре отказались; ибо нигде в свое время мания преследования не свирепствовала так сильно, как в Женеве, как это видно из предисловия Дельрию. Однако, по-видимому, оно имеет полное право считаться первым государством в Европе, которое освободилось от влияния этого кровавого суеверия.

Во Франции эдикт Людовика XIV 1682 года, направленный только против *мнимых* ведьм и пророков, ясно доказывает, что вера в реальность колдовства прекратилась и что это было всего лишь мнимое проявление таких сил, которые считалось необходимым подавить. К чести

Людовика и его министерства, этот шаг был предпринят им в противовес официальному *реквесту* парламента Нормандии, представленному в 1670 году по случаю того, что его Величество заменил смертную казнь пожизненным изгнанием в отношении группы преступников, которых парламент осудил *more majorum* за колдовство[34]. В этом извинении за свою веру они напомнили Людовику об укоренившейся практике королевства; о многочисленных постановлениях парижского парламента, начиная с процессов в Артуа в 1459 году, о которых сообщал Монстреле, и заканчивая судебным процессом Леже в мае 1616 года; о решениях, вынесенных комиссией, адресованной Генрихом Великим сьеру де Ланкру в 1609 году; о постановлениях, вынесенных парламентом Тулузы в 1577 году; о знаменитом деле Гофриди в 1611 году; *опостановлениях* парламента Франции. Дижон и Ренн, последовавшие за замечательным судебным процессом над маршалом де Рецем в 1441 году, который был сожжен за магию в присутствии герцога Бретани; и после оспаривания авторитета каноника Собора Аукеры и отрывка из Св. Augustine, which had been quoted against them by their opponents, they sum up their pleading with the following placid and charitable supplication to his Majesty—“Qu’elle voudra bien souffrir l’exécution des arrêts qu’ils ont rendus, et leur permettre de continuer l’instruction et jugement des procès des personnes accusés de sortilège, et que la piété de Votre Majesté ne souffrira pas que l’on introduise durant son règne une nouvelle opinion contraire aux principes de la religion, pour laquelle Votre Majesté a toujours si glorieusement employé ses soins et ses armes.” Несмотря на этот заключительный комплимент рвению и благочестию его величества, сомнительно, чтобы парламент Нормандии, озабоченный поддержкой своих конституционных привилегий, мог разработать более эффективный план по разрушению своего собственного дела, чем представить Людовику своего рода антологию или изящные выдержки из зверств процессов над ведьмами; и, по всей вероятности, появление эдикта 1680 года ускорили те самые протесты, которыми нормандские мудрецы надеялись задуть его.

Если перейти от Континента к положению дел в Англии и Шотландии, перспектива будет какой угодно, только не приятной; и, конечно, ничто не может быть более обманчивым, чем помазание, которое доктор Фрэнсис Хатчинсон возлагает на свою душу, когда он осмеливается утверждать, что Англия была одной из тех стран, где ее ужасы ощущались меньше всего и раньше всего подавлялись. Посмотрите на судебные процессы и обвинительные приговоры, которые еще до введения в действие какого-либо уголовного закона имели место за это воображаемое преступление, как в случае с Болингброком и Марджери Журден, с чьими заклинаниями гений Шекспира познакомил нас во Второй части "Короля Генриха VI". Посмотрите на последовательные статуты Генриха VIII, Елизаветы и Якова I. Последний из них был отменен только в 1736 году и принят, когда Коук был генеральным прокурором, а Бэкон - членом Палаты общин! Станьте свидетелем подвигов Хопкинса, главного ловца ведьм, против несчастных существ в Линкольншире, из которых...

“Некоторые были повешены как ведьмы только за то, что не утонули,
А некоторые за то, что сидели над землей
Целыми днями и ночами на своих штанах,
И испытывали боль”.
Худибрас, часть ii. песнь III.

Что бы сказал Доктор по поводу списка из ТРЕХ ТЫСЯЧ жертв, казненных только за время правления династии Долгого парламента, который, по словам Захари Грея, редактора *Hudibras*, он сам внимательно изучил? Какие нелепости могут превзойти те, в которых поклялись на

судебных процессах над ведьмами из Уорбойса, судьба которых во времена доктора Хатчинсона, а возможно, и до сих пор, ежегодно “улучшалась” в поминальной проповеди в Кембридже? или в случае с незадачливыми ланкаширскими ведьмами, принесенными в жертву, как выяснилось впоследствии, злодейству самозванца Робинсона, история которого послужила материалом для драматической музыки Хейвуда и Шедуэлла? Насколько печально зрелище такого человека, как Хейл, осуждающего Эми Дани и Роуз Каллендер в 1664 году на основании доказательств, над которыми, хотя и подтвержденных мнением сэра Томаса Брауна, ребенок сейчас был бы склонен смеяться? Лучший порядок вещей, это правда, начинается с назначения Холта верховным судьей. Улики против матушки Маннингс в 1694 году, будь человек послабее умом, решили бы судьбу несчастной пожилой женщины; но Холт обвинил присяжных с такой твердостью и здравым смыслом, что был вынесен оправдательный вердикт, едва ли не первый на тот момент в судебном процессе по обвинению в колдовстве. Примерно в десяти других судебных процессах, предшествовавших Холту, с 1694 по 1701 год, результат был таким же. Дело Уэнхема, последовавшее в 1711 году, в достаточной степени продемонстрировало перемену, произошедшую в чувствах судей. На протяжении всего судебного процесса главный судья Пауэлл, по-видимому, открыто насмехался над нелепостями, которые свидетели, и в частности допрошенные священнослужители, пытались донести до присяжных; но, несмотря на все его усилия, обвинительный вердикт был вынесен в отношении подсудимого. Однако с целью добиться ее помилования, показав, насколько далеко зашли предубеждения присяжных, он спросил, когда был вынесен вердикт: “признали ли они ее виновной в соответствии с обвинительным актом за общение с дьяволом в облике кошки?” Бригадир ответил: “Мы считаем ее виновной в этом!” Почти нет необходимости добавлять, что для нее было добыто помилование. И все же после всего этого, в 1716 году, миссис Хикс и ее дочь, в возрасте девятилет, были повешены в Хантингдоне за то, что продали свои души дьяволу и подняли бурю, стянув чулки и сделав мыльную пену!

Этим завершающим злодеянием завершается список убийств в Англии; уголовные законы против колдовства были отменены в 1736 году, а предполагаемое занятие таким искусством в будущем наказывалось тюремным заключением и позорным столбом. Однако даже сейчас дело Рекса *против* Уэлдона в 1809 году и еще более позднее дело Баркера *против* Рэя в Канцлерском суде (2 августа 1827 г.) доказывают, что популярная вера в подобную практику ни в коем случае не прекратилась; и не так давно бедная женщина чудом избежала жизни после возобновления процесса Хопкинса у воды[35]. Баррингтон в своих замечаниях по поводу статута 20 Генриха VI без колебаний оценивает число казненных в Англии по этому обвинению в 30 000 человек!

Теперь обратимся к Шотландии. Много света было пролито на подъем и развитие, упадок заблуждения в этой стране ценной работой мистера Питкэрна[36], которая содержит выдержки из каждого судебного процесса в верховном уголовном суде Шотландии: автор дал точный и подробный обзор процедуры в каждом случае, сопровождаемый полными выдержками из оригинальных документов, если в них содержалось что-либо интересное.

Пожалуй, ни в одной стране это мрачное суеверие не принимало более мрачного или кровавого характера, чем в Шотландии. Дикие, гористые и пасторальные страны, отчасти из-за поразительных, разнообразных, а иногда и ужасных явлений, которые они представляют, отчасти из-за привычек и образа жизни, склонности к размышлениям, которые они создают и поощряют, — всегда были великими убежищами, в которых суеверие находило свою колыбель и

дом. Нрав шотландцев, сочетающий размышления с энтузиазмом, их образ жизни в прежние времена, который среди случайной суматохи диких и волнующих нагрузок оставлял много промежутков душевной пустоты в одиночестве, их ночные дежурства у пещеры на склоне холма, их неустойчивый климат с солнечным светом, туманом и грозой — все способствовало возвышению и поддержанию в живых того суеверного страха, с которым невежество взирает на каждое необычное движение природы. С самого раннего периода шотландских анналов “Все было боттилизмом и жуткой фантазией”; метеоры и северные сияния, которые преобладали в этом горном регионе, были превращены в видения всадников, сражающихся в воздухе, или трупных свечей, горящих на вершинах холмов[37]. Скелеты танцевали как обычные гости на свадьбах наших королей[38]: призраки предупреждали их вернуться с поля битвы при Флоддене, а дальновидные герольды провозглашали с рыночной площади длинный список убитых.

“Фигуры, которые, казалось, поднимались и умирали,
Бормотали и подавали знаки, наступали и улетали,
Несмотря на то, что ничто не подтверждалось, могли ухом или глазом
Различить звук или выражение лица;
Все же мрачно казалось, когда появлялись
Герольды и преследователи,
Со звуком трубы и красивым гербом,
Призыв провозгласить”.
Мармион, песнь v.

Инкубы и суккубы бродили во всех направлениях со степенью уверенности и правдоподобия, которые ввели бы в заблуждение даже избранных[39]; а злонамеренные церковники были привлечены слышимыми голосами и раскатами грома к суду Небес[40]. Анналы тринадцатого века полны подвигов трех волшебников, перед которыми Нострадамус и Мерлин должны склонить свои гербы: Томаса Эрсилдунского, сэра Майкла Скотта и лорда Соулиса. Трамонтанская слава второго даже перешагнула Альпы, поскольку Данте[41] отводит ему место в Аду, между Бонатто, астрологом Гвидо ди Монте Фельтро, и Асденте из Пармы.

Но до Реформации эти суеверные представления, хотя и были широко распространены, вряд ли приняли форму, сильно рассчитанную на нарушение общественного спокойствия. Хотя в некоторых случаях, когда предполагалось, что эти силы использовались в предательских целях, ведьмам было назначено смертное наказание[42], люди пока еще не считали необходимым, просто за предполагаемое обладание такими силами или их доброжелательное проявление, применять очищающую силу огня для искоренения беспорядка. Сэр Майкл и Рифмоплет жили и умерли в мире; и трагической судьбой тиран Соулис с Девятого Каменного Ригга был обязан не предполагаемому колдовству, осквернившему его замок Эрмитаж, а тем более ощутимым зверствам, которые были продиктованы демоном его собственной нечистой совести и исполнены теми железноруками и бессердечными агентами, которые так легко поддавались более простым чарам феодального деспотизма.

С момента составления Протоколов Шотландского судебного заседания и вплоть до правления Марии в протоколах не фигурирует ни одно судебное разбирательство по делу о колдовстве. Ибо, хотя в случае с несчастной графиней Глэммис, казненной в 1536 году, во время правления Якова V., по обвинению в изменническом заговоре с целью отравления короля, в статью

добавлены некоторые намеки на колдовство, вероятно, с целью возбудить в народе предубеждение против той, чья личная красота и высокий дух сделали ее любимицей народа, очевидно, что на самом деле это обвинение не имело под собой никаких оснований.

Но с введением Реформации “*novus rerum nascitur ordo*”. Немецкие реформаторы, далекие от отказа от темных и кровавых суеверий, которые систематизировала и пропагандировала булла Иннокентия, сохранили это, в то время как они разрушили всех остальных идолов и переместили

“В мрачном танце вокруг печной синевы”,

заставлял даже детей проходить через огонь к Молоху. Их шотландские собратья, безоговорочно приняв кредо своих континентальных прототипов, пересадили в нашу собственную страну, почву, к сожалению, слишком хорошо подготовленную для такого семени, всю доктрину видимого присутствия сатаны на земле, со всеми гротескными ужасами его торговли с человечеством. Помощь меча правосудия была немедленно признана незаменимой для оружия духа; и стих Моисея, который провозглашает, что ведьма не должна оставаться в живых, был немедленно положен в основу Закона 73 девятого парламента королевы Марии, который ввел смертную казнь в отношении ведьм или советников с ведьмами.

Последствия этого авторитетного признания веры в колдовство стали очевидны сразу же после правления Якова. Колдовство стало всепоглощающей темой дня, и обычное обвинение выдвигалось всякий раз, когда целью одного человека было погубить другого, точно так же, как некоторые другие преступления совершались во времена правления Юстиниана, а также в четырнадцатом и пятнадцатом веках в Италии. В Шотландии зло было занято в высших кругах не меньше, чем среди более скромных существ, которые, как правило, были профессорами искусства магии. По-видимому, между оперативными исполнителями и теми благородными покровителями (в основном, к сожалению, представительницами прекрасного пола), которые потребовали их услуг, установились своего рода клиентские отношения. Леди Бакклю из Бранксхольм—Холла, чьи заклинания снабдили нашего Северного Волшебника некоторыми из его самых поразительных картин, - графиня Атол, графиня Хантли, жена канцлера Аррана, леди Кер, жена Джеймса, Распорядителя Запросов, графиня Лотиан, графиня Ангус (более удачливая в своем поколении, чем ее бабушка леди Глэмми), все были, если верить скандалу в Скотстарвете, либо защитницами ведьм, либо сами дилетантами в искусстве [43]. Даже сам Нокс не избежал обвинения в колдовстве; силу и энергию ума, которыми одарило его Провидение, враги Реформации приписывали более темному источнику. Его обвинили в попытке воздвигнуть “какие-то святыни” на кладбище церкви Святого Андрея; но в ходе этого воскрешения появился сам дьявол с парой огромных рогов на голове, при виде чего секретарь Нокса обезумел от страха и вскоре после этого скончался. Более того, мания достигла такой высоты, что шотландец из Скотстарвета упоминает, что сэр Льюис Баллантайн, клерк лорда юстиции Шотландии, “из любопытства расправился с колдуном по имени Ричард Грэхем” (тот же человек, который фигурирует в процессе над Элисон Балфур как сообщник Босуэлла), “чтобы вызвать дьявола, который, вырастив его в своем собственном дворе в Кэнонгейте, был настолько напуган, что заболел и от этого умер”. Это действительно было “ошеломляющее состояние шотландских государственных деятелей”, когда даже верховный судья Шотландии по уголовным делам, таким образом, стоял во главе преступников. Вполне мог бы любой несчастный преступник сказать вместе с Анджело...

“Воры за свой грабеж имеют власть,
Когда судьи крадут сами”.
Measure f. Измерять, ii. 2.

На самом деле, Церковь была вовлечена в это дело не менее глубоко, чем суд и палата правосудия; ибо в деле Элисон Пирсон (1588) мы находим знаменитого Патрика Адамсона, архиепископа Сент-Эндрюсского, отбросившего страх перед Актом парламента и снизошедшего до того, чтобы обратиться к этому бедняге за снадобьем, которое излечило бы его от болезни!

Такая сильная и всеобщая вера не могла долго проявляться в делах. В 1572 году появляется первая запись в Судебных протоколах, судебный процесс над Джанет Боумен, о котором не приводится никаких подробностей, за исключением выразительного предложения “Осудить: и Бринт”. За оставшийся период правления Джеймса (до 1625 года) в Суде юстиции состоялось не менее тридцати пяти судебных процессов, почти во всех из которых результат был таким же, как в случае с Боуменом.

Два или три из них особенно интересны; один - из-за разницы между его деталями и теми, которые составляют обычные материалы процессов над ведьмами; другие - из-за высокого ранга некоторых из тех, кто в них участвовал, и странных и почти необъяснимых масштабов заблуждения. Первое, на которое мы ссылаемся, - это дело Бесси Данлоп[44], осужденной по ее собственному признанию; особенность этого дела в том, что вместо самого дьявола в собственном лицедуховные существа, с которыми нас знакомят, - это наши старые друзья феи, те самые милые эльфы, которых защищает Парацельс, и старина Обри, которому доставляет удовольствие оказывать честь. Фамильяром Бесси было существо, которого она называет Том Рид, и которого она описывает в своем судебном заявлении[45] как “честного доброго пожилого человека, грея бэрдита, у которого был серый коитт с рукавами старого фассуна, пара серых бреки и гартаррит куайт шанки на коленях”. Их первая встреча произошла, когда она направлялась на пастбище: “гретанд (плакала) очень быстро из-за своей коровы, которая была мертва, и ее мужа и ребенка, которые лежали и болели на земле - заболели (какая-то эпидемия того времени), и она только что встала из гиссана (родов)”. Том, который заботился о том, чтобы его характер предстал перед ней в благоприятном свете, пожурил ее за недоверие к Провидению и сказал, что ее овца и ребенок оба умрут, но что ее муж выздоровеет, что немного утешило ее. Его истинный характер, однако, проявился на втором “прощальном собрании”, когда он, не краснея, призвал ее “отречься от своего христианского мира и от своего крещения и веры, которую она приняла в фаунт-стейн”. Бедная ведьма ответила, что “хотя она должна быть разорвана на куски, она никогда этого не сделает”, но пообещала ему повиноваться во всем остальном, — условная уступка, с которой он довольно ворчливо удалился. Его третье появление состоялось в ее собственном доме, в присутствии ее мужа и *трех* портных (трех!). К бесконечному ужасу этой троицы и гудемана, он взял ее за фартук и вывел из дома к печи, где она увидела сидящих восемь женщин и четырех мужчин; мужчины были одеты по-джентльменски, а женщины закутаны в пледы, и на них “было очень приятно смотреть”. Они сказали ей: “Добро пожаловать, Бесси, ты пойдешь с нами?” но поскольку она ничего не ответила на это приглашение, они, после какого-то разговора между собой, которого она не могла понять, внезапно исчезли, и “за ними последовал отвратительный порыв ветра”. После их ухода Том сказал ей, что это “были добрые люди, которые победили при Дворе Эльфейн”, и что ей следовало принять их приглашение. Впоследствии ее лично посетила королева Эльфейна,

которая снисходительно попросила у нее выпить и предсказала смерть ее ребенка и выздоровление ее мужа. Использование, которое бедняжка Бесси использовала своими привилегиями, было самого безобидного рода, поскольку все ее заклинания, по-видимому, были направлены на исцеление, а не на убийство. Большинство статей ее обвинительного заключения касаются проведенного лечения, и против нее нет никаких обвинений в использовании своих способностей в злонамеренных целях. Однако, как обычно, ее осудили и сожгли.

Очевидно, это был чистый случай психического расстройства, но вскоре за ним последовал случай более мрачного и сложного характера, в котором, что касается главного действующего лица, кажется сомнительным, чтобы колдовская ряженка представляла собой нечто большее, чем простое представление в мрачной драме человеческих страстей и преступлений. Мы ссылаемся на судебные процессы над леди Фаулис и Гектором Манро из Фаулиса по обвинению в колдовстве и отравлении в 1590 году. Это один из тех случаев, который можно правдоподобно привести в подтверждение того, что Селден, Бейл и авторы "Энциклопедии" отстаивали суды над ведьмами, а именно необходимость наказания за притязания на такие силы или веру в их существование с такой же строгостью, как если бы их применение было реальным. "Закон против ведьм," говорит Селден, "не доказывает их существования, но он наказывает злобу тех людей, которые используют такие средства, чтобы отнимать человеческие жизни. Если бы кто-то заявил, что, повернув шляпу и крикнув "бузу", он мог бы лишить человека жизни, хотя на самом деле он не мог бы сделать ничего подобного, все же это был бы справедливый закон, принятый государством, согласно которому всякий, кто трижды повернет шляпу и крикнет "бузу" с намерением лишить человека жизни, будет предан смерти". Мы вряд ли остановимся на том, чтобы абстрактно разоблачать абсурдность этой доктрины Селдена, которая, таким образом, делает волю повсеместно равной поступку; но когда мы читаем такие случаи, как случай леди Фаулис, это не может не вызывать сомнений. в то же время нельзя отрицать, что власть, которую мнимый профессор подобных искусств таким образом приобрел над массовым сознанием, и ослабление моральных принципов, которым это естественно сопровождалось в самом индивидууме, сделали его наиболее опасным членом общества. В целом, профессия колдуна была связана с другими преступлениями и часто использовалась как простое прикрытие, с помощью которого они могли совершаться с большей безопасностью и эффектом. Достаточно хорошо известны зелья Ла Вуазена и Формана, личный придворный календарь последнего, содержащий "какие дамы любили каких лордов больше всего" (который Верховный судья благоразумно не разрешил читать в суде). Чары более отвратительной природы, по-видимому, применялись нашими собственными ведьмами, как в случае с Роем, которого судили перед шерифом Перта в 1601 году^[46], и в случае с Колхауном из Люсса, которого судили за колдовство и кровосмешение в 1633 году, где орудием обольщения был драгоценный камень, полученный от некроманта. Короче говоря, везде, где требовалось достичь какой-либо низменной цели, не требовалось ничего большего, чем прибегнуть к помощи какой-нибудь печально известной ведьмы. В частности, в области отравления они были опытными адептами, чего, естественно, следовало ожидать от силы, которую это дало им для реализации их собственных пророчеств. Отравители и ведьмы классифицируются вместе в заключении эдикта Людовика XIV; и судебные процессы в *Ardente Chambre* доказывают, что эти два ремесла, как правило, гармонично сочетались. Наша собственная миссис Тернер в Англии дает нам неплохой пример союза отравительницы со сводницей и ведьмой; в то время как распространенность той же связи в Шотландии прослеживается из подробностей дела Роберта

Эрскина из Дана, из дела дочери лорда Клифтонхолла, Юфимии Макэлзин, и еще больше из необычного случая леди Фаулис.

Целью заговорщиков в этом последнем случае было уничтожение юной леди из Балнагауна, что позволило бы Джорджу Россу из Балнагауна жениться на юной леди Фаулис. Но для того, чтобы дать им право наследования Фаулиса, предполагая, что союз будет заключен, требовалась более масштабная резня. Пасынки леди Фаулис, Роберт и Гектор, со своими семьями стояли на пути, и их предстояло убрать следующими. Более того, в обвинительном заключении ей предъявлено обвинение в организации убийства более тридцати человек, включая ее собственную сообщницу, Кэтрин Росс, дочь сэра Дэвида Росса, которую она вовлекла в свои планы, женщину, по-видимому, самого решительного характера и, очевидно, острого и проницательного интеллекта; кажется, есть основания сомневаться, что она хоть сколько-нибудь верила в силу чар и колдовства, к которым прибегала, но она, вероятно, думала, что, воспользовавшись услугами тех ведьм, которых она нанимала, более благоразумный курс был бы полезен. Она позволяла им разыгрывать свои ряжения по-своему, в то время как она сочетала их с более эффективными человеческими средствами. Соответственно, разрушительная работа началась с обычного заклинания создания двух глиняных изображений, изображающих намеченных жертв; но вместо того, чтобы предавать их огню или хоронить головами вниз, изображения в этом случае были повешены на северной стороне комнаты, и леди со своими приближенными выпустила в них несколько стрел с эльфийскими наконечниками, но безрезультатно. Хотя леди Фаулис распорядилась подготовить еще две картины, чтобы возобновить попытку, она, похоже, сразу же прибегла к более решительным мерам и посвятила Кэтрин Росс и ее брата Джорджа в свои планы. Первым составом, приготовленным для ее жертв, была порция отравленного эля, но он закончился во время приготовления. Затем она приказала приготовить “свинью с ранкерским ядом, который быстро убьет”, и отправила его через свою кормилицу молодому лэрду Фаулиса. Однако Провидение снова защитило его: “поросенок” упал и разбился по дороге, а медсестра, которая не смогла устоять перед искушением попробовать содержимое, поплатилась за свое любопытство жизнью. Зелье было настолько едким, что сама трава, на которую оно упало, была уничтожена. Однако ничто не могло отвлечь леди Фаулис от ее намерения. Как миссис Фаулис. Тернер, которая лечила Овербери пауками, кантаридами и мышьяком поочередно, чтобы “улучшить цвет его лица”, теперь она приступила к испытанию эффекта “крысиного пойсона” (ratsbane), который, по-видимому, она ввела молодому лэрду несколько доз “в яйцах, бульонах или капусте”, но все еще без эффекта, очевидно, его организм оказался слишком крепким для них. Однако она была более близка к успеху со своей невесткой, своей жертвой женского пола. “Рэттон пойсон”, который она приготовила для леди Балнагаун, она ухитрилась с помощью одной из своих помощниц-ведьм подмешать в блюдо с почками, которыми ужинала леди Балнагаун и ее компания; и действие его было настолько сильным, что даже негодай, которым его подавали, возмутился при виде этого. Однако на момент суда, казалось бы, несчастная дама была еще жива. Леди Фаулис была наконец задержана по признанию нескольких ведьм, которых она наняла, и более одной из которых были казнены до того, как состоялся ее собственный суд. В конце концов, разбирательство завершилось оправдательным приговором, результат, который можно объяснить, только учитывая, что присяжные были явно переполнены и состояли в основном из иждивенцев домов Манро и Фаулиса.

Эта сцена *диаблери* и отравления, однако, на этом не закончилась. Теперь выяснилось, что мистер Гектор, одна из предполагаемых жертв его мачехи, сам был главным исполнителем

тайного заговора ведьм, направленного против жизни его брата Джорджа. В отличие от своей более энергичной мачехи, доверчивой до последней степени, он, кажется, был полностью под контролем ведьм, которыми был окружен и которые изводили и запугивали его страшными предсказаниями и всевозможными жуткими выставками. По-видимому, он не был злым человеком от природы, поскольку с теми же самыми ведьмами, которые впоследствии объединились с ним против жизни Джорджа, он консультировался, чтобы вылечить своего старшего брата Роберта, после смерти которого он унаследовал бы поместья. Но, будучи охвачен затяжной болезнью, и его близкие сказали, что единственный шанс, который у него был на восстановление здоровья, это то, что его брат должен умереть за него, он, похоже, спокойно обрек его на смерть, руководствуясь сильным инстинктом самосохранения. Чтобы предотвратить подозрения, было решено, что его смерть должна быть медленной и постепенной, и исполняющая обязанности ведьмы, которая, казалось, была так же уверена в правильности своих расчетов, как и знаменитая изобретательница *пудры преемственности*, гарантировала смерть до 17 апреля следующего года. Следует признать, что последовавшие за этим заклинания были хорошо рассчитаны на то, чтобы произвести сильное воздействие, как моральное, так и физическое, на слабое и доверчивое существо, на котором они были разыграны. Вскоре после полуночи, в январе месяце, ведьмы покинули дом, в котором в то время лежал больной мистер Гектор, и направились к участку земли, лежащему между землями двух феодальных правителей, где они вырыли большую могилу. Затем Гектора Манро, завернутого в одеяла, вынесли наружу, при этом носильщики все это время оставались немymi, и молча опустили в могилу, покрыв его дерном и придавив колыями. Затем его приемной матери, Кристиан Нилл, было приказано пробежать расстояние в девять риггов и, вернувшись к могиле, спросить главную ведьму, “какой был ее выбор”. Она ответила, что мистер Гектор был ее выбором жить, а его брат Джордж - умереть за него. После того как эта охлаждающая церемония повторилась трижды, пациента, замерзшего от холода и ужаса, отнесли обратно в постель. Ведьмы мистера Гектора оказались более успешными, чем ведьмы, нанятые его мачехой. Джордж умер в апреле месяце, как и было предсказано, несомненно, под действием других заклинаний, кроме силы сочувствия, а Гектор, похоже, выздоровел. Однако у него было преимущество перед избранными присяжными на процессе, а также перед леди Фаулис, и ему посчастливилось быть оправданным.

Едва улеглось возбуждение, вызванное этими судебными процессами, как общественное мнение снова было сбито с толку новой, более масштабной и почти необъяснимой сценой колдовства, направленного против жизни Якова и его королевы в 1591 году.

Первый намек на те странные действия, которые впоследствии были раскрыты, был получен из признаний девушки по имени Джелли, или Джеллис Дункан, служанки заместителя судебного пристава Транента. Некоторые внезапные излечения, совершенные этой девушкой, и другие подозрительные моменты в ее поведении привлекли внимание ее хозяина, он, с похвальным беспокойством об открытии истины, “с помощью других мучил ее пыткой пиллевинками [разновидность скручивания больших пальцев] на ее пальцах, что является тяжким испытанием, и связывал или выворачивал ей голову шнуром или веревкой, что также является самым жестоким мучением”^[47]. Но, несмотря на эти убедительные заявления, никакого признания добиться не удалось. Наконец, некоторые операторы предположили, что ее молчание было вызвано тем, что она была отмечена дьяволом, и при тщательном осмотре отметина была обнаружена на передней части горла. Как только это было обнаружено, очарование лопнуло: она призналась, что все ее исцеления были совершены с помощью дьявола, и продолжила

раскрывать степень своей вины и количество сообщников, что полностью затмевает все предыдущие “открытия в колдовстве”, которыми до сих пор снабжают нас криминальные хроники. Тридцать или сорок разных людей, некоторые из которых, как отмечается в брошюре, были “такими же гражданскими, честными женщинами, как и все, кто жил в городе Эдинбурге”, были осуждены ею и немедленно задержаны после ее признания. Этот список также не ограничивался низшими классами, из которых обычно выбирались жертвы, приносимые в жертву этому суеверию; среди тех, кого задержали по информации Дункана, была Юфимия Макэлзин, дочь лорда Клифтонхолла, одного из сенаторов Коллегии правосудия.

Проследить широкую область колдовства, которая открылась перед ним благодаря признаниям обвиняемых, когда они были последовательно допрошены, было занятием, в высшей степени подходящим для легковверного ума Джеймса, склонного ко всем суевериям и сведущего во всех традиционных знаниях Шпренгера и Бодинуса. День за днем он лично присутствовал на экзаменах, приходил в “удивительное восхищение” каждой новой чертой гротескного ужаса, которую обнаруживали их признания, и даже довел свое любопытство до того, что послал за самой Джелли Дункан, которая, согласно признанию другой ведьмы, Агнес Сэмпсон (мудрой жены Кита), играла на барабанах или танцевала перед ведьмами, когда они процессией двигались навстречу дьяволу в кирке Северного Бервика, чтобы он мог сам послушать эту адскую мелодию — “которая на подобной трубе играла на барабанах”. действительно исполнял упомянутый танец перед королевским величеством, которое, учитывая странность этих событий, получило большое удовольствие присутствовать на этих экзаменах”.

Однако можно предположить, что все эти разоблачения не обошлись без широкого применения обычного в таких случаях принудительного средства - пыток. Главным пострадавшим был человек по имени Канингем, который фигурирует в судебных процессах под именем доктора Фиана, школьного учителя близ Транента, и, по-видимому, человек распутного характера, хотя, как явствовало из его поведения на этом допросе, также обладал исключительной силой духа и твердостью нервов. Его поставили перед вопросом: “*во-, by thraving of his head with a rope, whereat he would confess nothing;secondly* в которых, его убедили, что он поступил глупо” (разве не было бы столь же естественно сначала испробовать честные средства?). “но это так же мало возобладало; наконец, он был подвергнут самой жестокой и лютой боли в мире, называемой Ботинками[48], и после того, как он получил три удара, когда его спросили, признается ли он в своих отвратительных поступках и порочной жизни, его язык не позволял ему говорить”. Будучи освобожден от этого орудия пытки, он, по-видимому, под влиянием вызванной им агонии подписал признание, включающее не только предполагаемые обвинения в заговоре против короля с помощью колдовства, но и множество подробностей, относящихся к его собственной жизни и разговорам, отнюдь не назидательного характера.

Но весомость, которую следовало придать этому признанию, вскоре стала очевидной из того, что последовало; ибо Фиан, которого снова отправили в тюрьму и который в течение дня или двух казался “очень уединенным” и раскаивающимся, в течение следующей ночи ухитрился совершить побег, а при повторном задержании и повторном допросе счел нужным, к великому смущению Джеймса, отрицать все обвинения, которые он ранее признал. “После чего королевское величество, видя его упрямое своеволие”, прописало следующее средство от его рецидива. “Его ногти на пальцах были раздроблены и вытянуты инструментом, который по-шотландски называется а *Turkas*[49]. И под каждый ноготок были воткнуты по две иглы вплоть до головок. Несмотря на все эти мучения, доктор никогда не уклонялся от эни Уитта, и тем скорее

он признался бы в этом, несмотря на все пытки, которым его подвергли. Затем он был со *всей возможной быстротой* по повелению снова отправлен на мучения в сапогах, где он продолжал долгое время и получил в них столько ударов, что его ноги были раздроблены *настолько, насколько это было возможно*, а кости и плоть так измяты, что кровь и костный мозг хлынули в великом изобилии, вследствие чего они стали непригодными для использования навсегда”.

Как видно, доктор недолго нуждался в их услугах; но независимо от того, было получено его признание честным путем или нечестным, оно, безусловно, имеет столь поразительное сходство с признанием ведущей ведьмы, Агнес Сэмпсон, женщины, которую Споттисвуд описывает как “матроноподобную, серьезную и уравновешенную в своих ответах”, что вряд ли стоит удивляться тому, что суеверный ум Джеймса был сбит с толку этим совпадением. Ничто, на самом деле, не может превзойти общую гармонию рассказов, данных разными ведьмами о своих действиях, за исключением смехотворного и в то же время ужасного характера инцидентов, которые они описывают, и которые вполне могут вызвать даже у самого Джеймса замечание, которое он, по-видимому, сделал в начале разбирательства, что все они были “крайними лжецами”.

Джеймс, судя по его исключительному благочестию и активной роли, которую задолго до написания своей ‘Демонологии’ он принимал в борьбе против сатаны и его невидимого мира, с самого начала был самым неприятным для его слуг на земле. Однажды, когда на его жизнь было совершено неудачное покушение, дьявол заявил (хотя мы не понимаем, почему шотландский дьявол должен говорить по-французски), что у него нет над ним власти, добавив: “Иль есть человек божий[50]”. Визит, который во внезапном порыве романтической галантности он нанес в Норвегию, чтобы привезти туда свою королеву, был слишком благоприятной возможностью, чтобы пренебречь орудиями сатаны; и, соответственно, на конклаве было решено приложить все усилия, чтобы поднять такую бурю, которая безошибочно положила бы конец величайшему врагу (как сам сатана конфиденциально признался одной из ведьм), которого дьявол когда-либо имел в мире. Поэтому приготовления были начаты со всей подобающей торжественностью. Сатана предпринял, в первую очередь, поднять туман, чтобы прибить короля к английскому побережью, но, поскольку были сочтены необходимыми более активные меры, доктор Фиан, как секретарь дьявола, или регистр, как его называют на протяжении всех этих процессов, направил письмо выдающейся ведьме Марион Линкап и другим членам сестричества, предписывая им встретиться со своим хозяином в море в течение пяти дней с целью уничтожения короля[51]. В канун дня всех святых infernalная компания численностью около двухсот человек погрузилась, “каждый в загадке или решете, и проделала то же самое очень основательно”. На какой широте они встретились с Сатаной, не указано, но после некоторого плавания он появился и передал Роберту Грирсону кошку, которую, как оказалось, ранее девять раз провели через круик[52], приказав “бросить такую же в море! Hola!” И это замечательное обаяние не прошло даром, ибо Джеймс, флот которого в то время очищал датское побережье, впоследствии заявил, что только на его корабле дул встречный ветер, в то время как на всех остальных судах он был попутным.

Действие чар на воду было закончено, ведьмы высадились на берег и, напившись вином, которое они пили из тех же самых сит, в которых они ранее так “основательно” плавали, процессией двинулись к церкви Северного Бервика, которая была назначена им местом встречи со своим хозяином. Компания превысила сотню человек, из которых тридцать два

перечислены в исповеди Агнес Сэмпсон. И им предшествовала Джелли Дункан, сыгравшая на варгане следующую песенку:

“Каммер, уходи раньше, Каммер, уходи,
Если ты не уйдешь раньше, Каммер, позволь мне!”

Здесь их учитель должен был предстать в образе проповедника, менее распространенном в Шотландии, чем на Континенте. Доктор Фиан, который, как регистратор дьявола, возглавлял церемонии в церкви, *взорвал* двери и задул в лихты, которые напоминали черные свечи, торчащие вокруг кафедры, в то время как другой участник вечеринки, Грей Мейлл, исполнял роль привратника. Внезапно на кафедру поднялся сам дьявол, одетый в черную мантию и шляпу. В описании его внешности, приведенном в Мемуарах сэра Джеймса Мелвилла, есть что-то от силы и живописности Данте. “Его тело было твердым, как у тех, кто с ним обращался; его внешность была ужасной, его нос напоминал клюв эгле, грета борнинга эйна” (очи ди браджа); “его руки и ноги были херри, с когтями на руках, и фейт лик Грифон, и спак с воющим голосом”. Сначала он огласил список прихожан, на который каждый ответил по имени; затем он спросил их, были ли они хорошими слугами, что они сделали с момента своего последнего собрания и каков был успех их заклинаний против короля. Грей Мейлл, привратник, который имел наглость заметить, что “слава Богу, короля еще нет”, был вознагражден за это *неуместное* замечание сильным ударом. Затем дьявол продолжил увещевать их соблюдать его заповеди, которые заключались просто в том, чтобы творить все возможное зло; когда он покинул кафедру, все собрание, мужчины и женщины, отдали ему дань уважения, поприветствовав его таким образом, который мы должны предоставить тем, кто интересуется подобными церемониями, выяснить из первоначальных обвинительных заключений.

Такова странная история, в которой все преступники, допрошенные Джеймсом и Советом, в основном согласны; и, несомненно, странное совпадение их повествований по сей день остается одной из самых сложных проблем в философии шотландской истории. Судьба несчастных существ, признавших в этих чудовищах, ни на минуту не могла быть подвергнута сомнению в тот век легковерия. Фиан, для которого после нечеловеческих пыток, которым он подвергся, жизнь не могла представлять особой ценности, был осужден, задушен и сожжен. Похожая участь постигла и Агнес Сэмпсон. Барбара Нейпир, еще одно лицо, которое, как говорят, присутствовало на съезде, хотя и была оправдана по этому обвинению, в обвинительном заключении была осуждена по некоторым другим обвинениям в колдовстве; но ум Джеймса был настолько сильно взволнован, что, хотя он добился вынесения ей обвинительного приговора, он фактически привлек присяжных к суду за умышленную ошибку, оправдав ее по этому пункту обвинения.

Но самой выдающейся жертвой, связанной с этой сценой колдовства, была Юфимия Макэлзин, дочь выдающегося судьи, лорда Клифтонхолла, женщина сильного ума и распушенных страстей, преданная приверженка римско-католической веры, сторонница Босуэлла (которого несколько ведьм обвиняли в причастности к этим действиям против жизни короля) и решительный враг Джеймса и реформированной религии. Какими бы ни были точные познания этой леди в колдовстве, не может быть никаких сомнений в том, что она была в самых близких отношениях с покинутыми негодями обоего пола, претендующими на колдовство, и что она неоднократно прибегала к их помощи в попытках убрать с дороги людей, которые были ей неприятны или которые стояли на пути удовлетворения ее страстей. Количество колдовств,

отравлений и попыток отравления, предъявленных ей в обвинительном заключении, почти соперничает с обвинениями против Бринвилье; и, хотя присяжные оправдали ее по нескольким из них, они признали ее виновной в участии в убийстве собственного крестного, племянника ее мужа и Дугласа Пеннфростонского; помимо присутствия на съезде Северного Бервика и различных других собраниях ведьм, на которых была инсценирована смерть короля. Ее наказание было самым суровым, какое только мог назначить суд: вместо обычного приговора, предписывавшего сначала задушить ее на костре, а затем сжечь, несчастная женщина была обречена быть “привязанной к ане стейк и *быстросожженной* в ассисе до смерти”, участь, которую она перенесла с величайшей стойкостью 25 июня 1591 года. Впечатление, произведенное этими сценами на короля, было настолько глубоким и постоянным, что мы обязаны им подготовкой парламентского акта в форме процесса против ведьм, упомянутого среди ненапечатанных актов 1597 года, и более непосредственным составлением этого замечательного труда шотландского Соломона, “Демонологии”.

В судебных процессах над Бесси Рой, Джеймсом Ридом, Патриком Карри, Изобель Гирсон и Гризель Гардинер[53] обвинения в основном заключаются в том, что они насылают болезни на людей или скот; встречи с дьяволом в различных обликах и местах; поднятие и расчленение мертвых тел с целью колдовства; уничтожение урожая; пугание честных людей в облике кошек; отнимание молока у женщин; совершение взлома и кражи с помощью чар и так далее. Проточная на юге вода, соль, рябиновое дерево, зачарованные кремни (вероятно, наконечники эльфийских стрел) и стихи доггела (обычно перевод Символа веры или Молитвы Господней) были средствами, используемыми для излечения. Болезни снова вызывались формированием изображений из глины или воска, которые клали перед огнем или закапывали головами вниз; помещением мертвой руки или какого-нибудь изуродованного члена в дом предполагаемой жертвы; или, как в случае с Гирсоном, более простым способом - бросанием заколдованного тайлзи (ломтика) говядины к его двери. Было несущественно, были ли предполагаемые способности ведьмы направлены на добро или зло. В случае Грива против него не было выдвинуто никаких обвинений в сглазе (если использовать технический термин), а просто в том, что он излечивал болезни с помощью чар; и то же самое в случае Элисон Пирсон; но оба были казнены. Барт Патерсон, по-видимому, был самым благочестивым из чернокнижников, поскольку его пациентам в дополнение к его предписаниям постоянно предписывалось “спрашивать о своем здоровье вообще, живьем или под землей, во имя Иисуса”. Судебный процесс над Робертом Эрскином из Дана, хотя и рассматривался как дело о колдовстве, похоже, был простым случаем отравления, поскольку он просто обратился к печально известной ведьме по имени Маргарет Ирвин за травами, с помощью которых он отправил своих племянников. Случай Маргарет Уоллес ближе к концу правления Джеймса заслуживает внимания как первый, когда было выдвинуто нечто вроде позиции против некоторых фундаментальных позиций демологов; адвокат заключенной решительно выступал против доктрины, согласно которой в случае с человеком, обвиняемым в колдовстве, каждое проведенное ею лечение должно было быть приписано действию дьявола. Однако защита, хотя она, по-видимому, была проведена умело, оказалась безуспешной.

Дела оставались в том же состоянии и во время правления Карла I. С 1625 по 1640 год в Архивах имеется восемь записей о судебных процессах по обвинению в колдовстве, одно из которых, дело Элизабет Батгейт, примечательно тем, что за ним последовал оправдательный приговор. В деле Кэтрин Освальд[54] у адвоката подсудимой хватило смелости возразить, что нельзя доверять признаниям других ведьм, которые поклялись в присутствии подсудимой на некоторых

из их оргий; “ибо все адвокаты согласны, - утверждал он, - что на самом деле они не переносятся, а только в своих фантазиях во время сна, в которых им иногда снится, что они видят там других”. Однако это рассуждение, по-видимому, произвело на присяжных не большее впечатление, чем аргумент в деле Янга[55] о том, что остановка мельницы, в которой ее обвиняли *двадцать девять лет назад*, с помощью колдовства, могла быть следствием естественных причин. Около половины обвинительных приговоров за этот период были вынесены на основании признательных показаний суда; о том, были ли они добровольными или вымогательскими, не сообщается. В целом они не представляют интереса, хотя некоторые детали процесса над Гамильтоном[56] немного отличаются от обычной рутины процессов над ведьмами того времени. Встретившись с дьяволом на Кингстон-Хиллз, в Восточном Лотиане, он был уговорен искусителем отказаться от своего крещения — акта отступничества, за который он получил всего четыре шиллинга. Далее дьявол велел ему использовать следующее вежливое заклинание, когда он захочет поднять его, а именно трижды стукнуть по земле своей палкой и сказать: “Вставай, подлый вор!” С другой стороны, поведение дьявола по отношению к нему было столь же бесцеремонным; ибо однажды, когда Гамильтон не явился на назначенную встречу, он сильно ударил его дубинкой.

Однако ближе к концу этого правления ситуация темнеет по мере усиления господства пуритан. В 1640 году Генеральная ассамблея приняла закон, согласно которому все министры должны обращать особое внимание на ведьм и заклинателей и что уполномоченные должны рекомендовать верховной судебной власти беспощадное применение законов против них. В 1643 году (19 августа), после установления роста преступности, они рекомендуют предоставить постоянное поручение от Тайного совета или судебного органа любому “понимающему джентльмену или магистрату” задерживать, судить и вершить правосудие над преступниками. К этой теме, по-видимому, возвращались в 1644, 1645 и 1649 годах; и их увещевания, по-видимому, не остались без эффекта, поскольку в 1649 году, через год после казни Чарльза, был принят Парламентский акт, подтверждающий и расширяющий положения королевы Марии, чтобы более эффективно воздействовать на консультантов с ведьмами, в отношении которых считалось (хотя мы не понимаем почему), что условия первого акта были несколько двусмысленными. С этого времени увеличивается не только количество вынесенных обвинительных приговоров, которое после смерти Джеймса шло на убыль, но и особенности дел приобретают более глубокий оттенок ужаса. Старые, невозможные и отвратительные фантазии о “Молоточке” были возрождены в ходе судебных процессов над Джанет Баркер и Маргарет Лаудер[57], которые удивительным образом перекликаются с некоторыми доказательствами на судебных процессах Мора. Между этой последней датой и Реставрацией в протоколе значится около тридцати судебных процессов, только один из которых, по-видимому, завершился оправдательным приговором; в то время как в одном окружном суде, состоявшемся в Глазго, Стерлинге и Эйре в 1659 году, семнадцать человек были осуждены и сожжены за это преступление.

Однако, какими бы многочисленными ни были случаи, описанные в судебных отчетах, следует иметь в виду, что они дают крайне неадекватное представление о степени распространения этого вредителя в стране. Ибо, хотя сэр Джордж Маккензи сомневается, что только в силу общих полномочий, данных законом 1563 года, судьи низшей инстанции когда-либо по своей собственной воле судили преступников, обвиняемых в колдовстве, та же цель достигалась иным способом. Судебный суд стремился избавиться от юрисдикции, которая сама по себе обеспечила бы им достаточную занятость; а Тайный совет использовался для выдачи

поручений джентльменам и министрам, проживающим на территории Шотландии, проверять, а затем судить и казнить ведьм по всей Шотландии; и этих поручений было так много, что Уодроу выражает свое удивление количеством, обнаруженным в Реестрах. В соответствии с этими поручениями множество людей были сожжены во всех частях королевства. В Рукописном дневнике Мерсера, Дневнике Ламонта и Мемориалах Уайтлока постоянно встречаются случайные упоминания о сожженных номерах.

В каждом случае подобного рода, по-видимому, духовенство проявляло самое невоздержанное рвение. Именно к ним бедняги, “уличенные” в колдовстве, впервые приводились на допрос - в большинстве случаев после подготовительного курса одиночного заключения, холода, голода, недосыпания или настоящих пыток. В некоторых случаях священнослужители сами фактически выполняли роль колдунов и втыкали длинные булавки в плоть ведьм, чтобы испытать их чувствительность; и во всех случаях они старались путем самых настойчивых расследований добиться от обвиняемых признания, которое впоследствии могло быть использовано против них на суде и которое во многих случаях, хотя и опровергнутое, служило единственным доказательством, на основании которого выносились приговоры. В некоторых случаях, когда обвинение против преступницы заключалось в том, что она была “ведьмой по привычкам и репутации”, дурная слава ее характера была доказана в суде присягой священника, точно так же, как привычка и репутация теперь доказываются в делах о краже сотрудником полиции.

Хотя можно сказать, что волна народного заблуждения относительно этого преступления переломилась во время правления Карла II, его раскрытие было, возможно, более кровавым, чем у любого из его предшественников. В первый год после Реставрации (1661) Судебный суд, по-видимому, осудил около двадцати человек, двое из которых, хотя и были оправданы на первом процессе, были осуждены на втором по новым обвинениям. Ламонт обратил внимание на количество казненных по всей стране. Похоже, что за один день (7 ноября 1661 г.) Тайный совет издал четырнадцать приказов о проведении судебных процессов в провинциях. О количестве безымянных несчастных, которые умерли, не подав никакого знака, от рук тех “понимающих джентльменов” (как их называют во вступлении к Генеральной Ассамблее), которым были предоставлены эти полномочия, сейчас почти невозможно составить предположение. Однако в отношении хода процедуры в таких случаях мы можем сослаться на некоторые необычные рукописи, относящиеся к допросу двух признавшихся ведьм в Морейшире в 1662 году, находившихся во владении семьи Роуз из Килравока; более конкретно, поскольку содержащиеся в них детали, как по их мельчайшим деталям, так и по беспрецедентной необычности их содержания, гораздо более поразительны, чем все, что можно найти в записях судебных органов того времени.

Этих чокнутых красавиц звали Изобель Гоуди и Джанет Брэйдхед. Сохранились два допроса последнего; первый, по-видимому, был допрошен четыре раза в разные даты между 13 апреля и 27 мая 1662 года перед шерифом и несколькими джентльменами и министрами по соседству; и на одном из них есть отметка заместителя судьи Колвилла следующего содержания: “Прочитав и рассмотрев признание Изобель Гоуди, содержащееся в заключении мира с Сатаной, отказе от крещения, с различными злодеяниями, я нахожу, что для ее последнего суда может быть совершенно справедливо дано поручение. —А. Колвилл[58].” Признания написаны рукой государственного нотариуса и подписаны всеми священнослужителями, джентльменами и другими присутствующими свидетелями; по-видимому, такова была практика, когда предвидения должны были передаваться судебному исполнителю с целью получения комиссии

для суда и наказания за преступление. Каков был результат “последнего суда” Изобель Гоуди, легко догадаться, исходя из характера ее признаний.

“Non ragioniam di lor, ma guarda, e passa.”

Несмотря на то, что ее допрашивали в четырех разных случаях, через значительные промежутки времени, и, несомненно, тем временем она находилась в одиночном заключении, рассказы Гоуди, в частности, обо всей жизни и разговорах ведьм, к которым она принадлежала, настолько подробны и неизменны, что из ее признания можно составить довольно полное представление об инферналистике. Отчетливость, с которой видения, по-видимому, преследовали ее, последовательность, которую они приобрели в ее собственном сознании, и все же непостижимая абсурдность и чудовищность этих концепций, на многие из которых мы не можем даже сослаться, представляют собой наиболее важный вклад в историю ипохондрического безумия.

Ее посвящение служению дьяволу состоялось в церкви Олдерна, где она была крещена им с именем Джанет, ее поддерживал спутник, и дьявол высасывал кровь из ее плеча[59]. Группа или ковен, к которому они принадлежали, состояла из тринадцати человек (имена которых она перечисляет, и некоторые из которых, по-видимому, были задержаны после ее сообщения), что было обычным числом ковен. К каждому приставлен офицер, в обязанность которого входит повторять имена участников вечеринки вслед за сатаной; а девушку, которая, по-видимому, имеет власть над женщинами и является особой любимицей дьявола, сажают по правую руку от него на пирах. Грандиозное собрание ковен проводится ежеквартально, когда дается бал. У каждой ведьмы есть “эльф”, который прислуживает ей, некоторые появляются “в печально-коричневом, некоторые в травянисто-зеленом, некоторые в морском, некоторые в желтом”. Членами ковена Гоуди были: “Роберт Джейкс, Сандерс-Ривер, Томас-Фейри, Суин - Рыкающий Лев, Похитительница Преисподней, прислуживающая сама себе”, Мачехист” и так далее. Некоторые из этих духов, по-видимому, были невысокого мнения Изобель; по ее словам, Роберт Джейкс был в возрасте и казался “духом гаукита глейкита”. Каждая из ведьм тоже получила прозвище, под которым они были широко известны[60]. У самого сатаны было несколько духов, которые прислуживали ему; “иногда на ногах у него были сапоги, а иногда башмаки, но все равно ступни у него раздвоенные”. Ведьмы, по-видимому, иногда позволяли себе значительные вольности с его персонажем, и в этих случаях сатана, обнаружив клевету, бил преступников “вверх и вниз, как голых парней” палкой, как Харон бьет голых духов в ‘Аду’ своим веслом. (Косяк, iii.) Однако ему было гораздо легче иметь дело с чернокнижниками, чем с прекрасным полом. “Александр Элдер, - говорит признавшаяся ведьма, - был мягким, и не мог защититься, и не делал ничего, кроме гримас и рыданий, пока его будут бичевать; но Маргарет Уилсон в Олдэрне защищалась бы искусно и поднимала руки, чтобы отразить удары, а Бесси Уилсон говорила бы грубым языком и снова была бы с ним стойкой красавицей”.

Развлечения и занятия ведьм описаны с той же твердостью и детальностью рисунка. Когда дьявол назначает адскую диету, ведьмы оставляют после себя в постели веник или трехногий табурет, который принимает их форму до их возвращения, что в точности соответствует испытаниям Мора. Направляясь к месту, где должна быть выполнена их работа, они либо принимают облик кошек, зайцев и т.д., либо садятся на кукурузную или бобовую соломку и произносят следующее заклинание:

“Конь и шляпка, конь и вперед,
Конь и пеллеты, хо! хо!”

они переносятся по воздуху к месту назначения. Если кто-нибудь увидит эти соломинки в движении и “не освятится”, ведьмы могут застрелить их насмерть. Этот подвиг они совершают с наконечниками эльфийских стрел, которые изготавливает сам сатана; и его помощниками мальчиками-эльфами, которые, подобно скандинавским троллям, описываются как маленькие горбатые существа, говорящие “по-густо” (грубо); каждая ведьма получает от сатаны определенное количество этих “фрейшютце”. Ведьма приводит список из сорока или пятидесяти человек, которые были уничтожены ею самой и ее спутниками этими средствами; при этом она также упоминает, что предприняла неудачную попытку покушения на жизнь мистера Гарри Форбса, министра Олдкарна, одного из свидетелей, действительно присутствовавших и подписавших ее признание.

Еще одно покушение на жизнь этого министра описано очень наглядно. Использованным инструментом был “мешочек, сделанный из мяса, кишок и желчи жаб, печени зайца, маринованных кукурузных огурцов, обрезков ногтей, ступней и пальцев ног”, в котором олио вымачивалось всю ночь и смешивалось *csecundum artem* самим сатаной, было освящено заклинанием, продиктованным сатаной и повторяемым ведьмами, “все они стояли на коленях, их волосы были распущены по плечам и глазам, они поднимали руки и пристально смотрели на дьявола, чтобы он уничтожил упомянутого мистера Гарри”. Эту композицию одна из ведьм, пробравшаяся в комнату священника, попыталась набросить на него, но ей помешало присутствие в комнате нескольких других святых людей. Другой состав того же рода, предназначенный для уничтожения лэрдов Парка и Лохлоя, оказался более успешным, как явствует из показаний другой ведьмы, Джанет Брэйдхед. Приготовив яд, “они пришли в Иншок ночью и разбросали его вверх и вниз, над воротами и вокруг них, а также в других местах, где чаще всего обитали лэрды и их сыновья. И тогда мы, в образе ворон и грачей[61], встали над воротами и на деревьях напротив ворот. Это было сделано так, что, если кто-нибудь из них прикоснется к чему-либо из этого или наступит на что-либо из этого, а также если это или что-либо из этого упадет на них, это должно было поразить их фурункулами и убить, что и произошло, и они вскоре умерли. Мы сделали это, чтобы лишить этот дом наследства”.

Нет необходимости далее вдаваться в эти странные подробности, которые, однако, составляют ценное приложение к отчетам того времени.

Может показаться, что буйство этого популярного бреда начало ослабевать после 1662 года. В настоящее время за это преступление проходит шестилетний интервал без судебного разбирательства, в то время как записи свидетельствуют о том, что Джеймсу Уэлшу[62] было приказано подвергнуться публичной порке за обвинение в этом нескольких человек - участь, с которой он вряд ли столкнулся несколько лет назад. Фаунтенхолл, рассматривая дело десяти бедных женщин, осужденных по их собственному признанию в 1678 году[63], очевидно, говорит обо всем этом с большим сомнением и нерешительностью. А сэр Джордж Маккензи в своем “Уголовном праве”, первое издание которого вышло в том же году, хотя он еще и не осмеливается отрицать существование преступления или целесообразность наказания за него, излагает многие принципы, весьма несовместимые с практикой предыдущего столетия. “Исходя из ужасности преступления,” говорит он, - я заключаю, что из всех преступлений оно требует самого ясного отношения к делу и самого убедительного доказательства; и я осуждаю,

помимо самих негодяев, тех жестоких и слишком прямолинейных судей, которые сжигают людей тысячами как виновных в этом преступлении”. И соответственно, действуя на основе этих гуманных и осторожных принципов, сэр Джордж в своем отчете судьям в 1680 году относительно ряда лиц, находившихся в то время в тюрьме за это преступление, заявил, что их признания были получены с помощью пыток и что, по-видимому, не было никаких других доказательств против них, на основании которых они были отпущены на свободу. “С этого времени, ” добавляет лорд Ройстон, “ ни в этом суде, ни в каком-либо другом суде, насколько я знаю, не проводилось судебного разбирательства по этому преступлению, за исключением одного в Пейсли по поручению Тайного совета в 1697 году”. Это замечание лорда Ройстона не совсем верно. Судебный процесс в Пейсли, на который он ссылается, очевидно, является известным делом ренфрюширских ведьм, которых судили по обвинению в колдовстве против девушки по имени Кристиан Шоу, дочери Шоу из Баргаррана. Обвинительный приговор обвиняемой, по-видимому, был вынесен главным образом на основании показаний самой девушки, которая в присутствии членов комиссии разыграла серию экстазов и судорожных припадков, подобных тем, с помощью которых монахини Лаудона столетием ранее решили судьбу Грандье. В этом ужасном деле Комиссары (в Отчете, представленном ими Тайному совету 9 марта 1697 г.) сообщили, что было двадцать четыре человека, мужчины и женщины, подозреваемых в причастности к колдовству; и среди них, следует отметить, есть девочка четырнадцати лет и мальчик моложе двенадцати. После этого мы почти удивляемся, что из примерно двадцати осужденных, по-видимому, только пятеро были казнены. Они были сожжены на лужайке в Пейсли. Последним судебным процессом в Суде справедливости было дело Элспет Рул, рассматривавшееся перед лордом Анструтером в округе Дамфрис 3 мая 1708 года, где заключенная, хотя и была признана виновной множеством голосов, была просто приговорена к ожогу на щеке и пожизненному изгнанию из Шотландии. Последней казнью, которая состоялась, была казнь пожилой женщины в приходе Лот, казненной в Дорнохе в 1722 году по приговору заместителя шерифа Кейтнесса, капитана Дэвида Росса из Литтл-Дина. “Говорят, что, когда ее вывели на казнь, погода была очень суровая, и она спокойно сидела, греясь у огня, в то время как другие орудия смерти были готовы!”

Так заканчивается в Шотландии трагическая часть истории колдовства. В 1735 году, как уже упоминалось, уголовные законы были отменены; однако, к большому неудовольствию отколовшихся, которые в своем ежегодном признании национальных грехов, опубликованном в акте их Ассоциированной пресвитерии в Эдинбурге в 1743 году, перечислили в качестве тяжкого проступка отмену уголовных законов, “противоречащих прямым законам Бога”! И хотя в отдаленных районах вера в это еще может сохраняться в умах невежественных людей, сейчас она, подобно вере в привидения, алхимию или ясновидение, имеет лишь ту смутную власть над воображением, которая позволяет поэту и романтическому автору приспособить ее к целям художественной литературы и тем самым указать на мораль или украсить рассказ. И, по правде говоря, из рассмотрения истории этого заблуждения нельзя извлечь неважную мораль, а именно, опасность поощрения тех восторженных представлений о возможности прямого духовного влияния, которые в той или иной форме, и даже в наши дни, населяют мозг слабых и самонадеянных. Ибо это всего лишь тот же принцип, который лежит в основе преследований ведьм и который проявляется в квиетизме Буриньон, грезах мадам Гийон, восторгах сестры Рождественской, пророчествах Нейлора, снах доктора Ди или видении Нового Иерусалима Сведенборгом; все это лишь эманация того духа гордыни, который, отказываясь быть “лишь немного ниже ангелов”, утверждает немедленное единение и равенство с ними и который, в

зависимости от характера пациента, может привести к смерти. подпитывает его великолепными видениями квиетизма или толкает его, подобно разъяренному малайцу, по пути преследований. Некоторые люди утверждают, что в нашем девятнадцатом веке у нас нет энтузиазма. Напротив, у нас их слишком много: ни в один период энтузиазм худшего рода не был так распространен; посмотрите на обманы Сауткотта и Гогенлоэ и на тысячи фантазий, которые ежедневно проходят свой краткий путь популярности. Никогда еще так широко не распространялась эта болезнь мозга, которая, как раньше превращала каждое естественное явление в действительное орудие дьявола, так и теперь превращает каждого лидера небольшого кружка в святого и облакает его в одеяние и достоинство апостола. С каждым днем практическими и активными жизненными обязанностями все больше пренебрегают под влиянием этого принципа; милосердие, которое не мыслит зла о других, ежедневно становится более редким; поток благожелательности, который в старину глубоко и незаметно проникал в дома, охваченные нищетой и болезнями, теперь лишь скудно компенсируется тем, что время от времени извергается несколькими напыщенными и бесполезными струями при общественных жертвованиях на отдаленные цели; в то время как даже у тех, чьи умы не запятнаны более грубым злом, порождаемым энтузиазмом, жизнь проходит в тщетных и призрачных мечтах о самодовольном превосходстве, которые Поскольку они основаны только на гордыне и врожденной восприимчивости, они редко выживают, когда возраст и немощь поколебали или уничтожили материалы, из которых они были воспитаны. Так, энтузиаст, который, подобно Мирзе, весь долгий день созерцал Елисейские острова, лежащие за заливом, и уже прогуливался в воображаемом общении с их обитателями, увитыми миртами, чувствует, несмотря на все свои усилия, что по мере того, как на пейзаж наплывает вечер, фантазмагория становится все более и более тусклой; мост, острова, гений, стоявший рядом с ними, исчезают; пока, наконец, для него не остается ничего, кроме его собственной длинной долины Багдад с пасущимися на ней быками, овцами и верблюдами. короче говоря, этот трезвый, усталый, трудящийся мир со всеми его заботами и обязанностями, благодаря которым, если бы он мудро выполнял цель, ради которой он был послан в него, он должен был бы продвигаться вперед с благотворной деятельностью, а не празднично мечтать на обочине Эдема, к которому он стремится; и поэтому он пробуждается к сознанию своего истинного призвания в жизни, когда он собирается покинуть его, и осознает ценность и первостепенную необходимость усилий, только когда молодость, с ее возможностями и ее энергией, навсегда останется позади, как тень из сна.

Работа церковного советника Хорста и обзор ее основного содержания, однако, оставляют незамеченной по крайней мере одно полушарие предмета Магии, Теургии и некромантии. Эти искусства или, по крайней мере, популярная вера в них, гораздо древнее любой из форм христианства и, по сути, были самым неудачным наследием, завещанным язычеством вытеснившим его верованиям. Не нужно быть привидением, чтобы рассказать читателю, насколько твердо древние верили во все сверхъестественные влияния: насколько многочисленны, по их представлениям, были стихии, наделенные предзнаменованиями и чудесами; насколько низменной и неразумной была их доверчивость; и насколько зависела как их общественная, так и домашняя жизнь от изгнания нечистой силы священником и науки авгуров. Канидий и Эриктос древности были не просто творениями поэтов; самый трезвый и

скептически настроенный из историков не брезгует сообщить, что в доме умирающего Германика были найдены обгоревшие кости и расчлененные конечности мертвых тел; а самый философичный из римских поэтов с самодовольной серьезностью повествует о чарах, с помощью которых можно было вызвать умершего или вернуть неверного возлюбленного к его покинутой возлюбленной. Вера в ведьм и сверхъестественные силы также не пришла в упадок вместе с неверием в государственную религию, которым были отмечены последние века Римской империи. Напротив, по мере того, как рос скептицизм в одном направлении, легкое верие и низменные суеверия росли и преобладали в другом. Эти душевные немощи никоим образом не ограничивались вульгарными или нечестивыми людьми. Более поздние платоники были глубоко заражены болезнью суеверия, и в истории человеческой непоследовательности есть несколько более любопытных глав, чем жизнеописания многих философов, которые выступали против существования Бога и трепетали, если им попадался на пути заяц, зловещий полет ворон или внезапная встреча с бельдаме или чернобуркой в пасмурное утро.

Магическое искусство древних, особенно на закате язычества, действительно имело чрезвычайно темный и отвратительный оттенок. Не обращая внимания на мудрую и благоговейную выдержку поэта Энеид—

“Sin has ne possim naturæ accedere partes
Frigidus obstiterit circum præcordia sanguis,”—

древние волшебники проникли, или сделали вид, что проникли, в самую “инкунабулу жизни”. Если бы мы могли вернуть несколько из тех книг, которые маги в Коринфе сожгли, и возместить стоимость их святому Павлу, мы, вероятно, нашли бы на их страницах, среди некоторых любопытных физических или медицинских секретов, почти все элементы жестокого и непристойного суеверия.

Мы знаем, что Рим был рано и глубоко заражен оргиастическим культом Востока, и особенно нечистыми церемониями жрецов Исида. Было бесполезно сровнять с землей часовни Исиака и изгнать их служителей. В эпоху неверия существовала страсть к тайнам тьмы; и хотя христианство постепенно вытеснило язычество по форме, дух последнего долго сохранялся в массах, и особенно среди невежественного сельского населения. Джеймс Гримм в своей эрудированной работе ‘Древности германской расы’ с большой остротой прослеживает связь между суевериями Темных веков и магическими формулами язычества. Заклинания ведьм, абракадабра шарлатанов и отвратительное убранство лаборатории Сидрофеля являются подлинными потомками обмана и мерзости, которые веками практиковались как в Римской, так и в Парфянской империях.

У Лукиана и Апулея нам действительно представлен необычный и ужасный аспект социального существования. Считалось, что самые обычные действия и функции жизни находятся под влиянием невидимых сил, и предполагалось, что эти силы готовы служить всем, кто был достаточно злобен, чтобы обратиться к ним за помощью, и достаточно бесстрашен, чтобы пройти обучение, которого от них требовали. Легко осудить слабость и обнаружить абсурдность такого вероучения. И все же в нее *was* верили: она возбуждала ужас; она питала месть; она оказывала иссушающее воздействие на слабых и легковерных; она бросала мрачную тень на жизнь; она действовала на мускулы сильных и на расцвет прекрасных; она воздействовала “на сокроуенный разум” всеми “его жестокими случайностями” и охотилась на самых чистых душ,

“Как во внутренностях, суставах и конечностях,
С ответными болями, но более интенсивными”.

Было бы напрасно рассматривать такую веру просто как поверхностное или индивидуальное суеверие. Она пронизывала все слои общества, от философа, который спорил о первопричине, и судьи, рассматривавшего религию в свете полезной полицейской системы, до пастуха, наблюдавшего за Орионом и Плеядами, и шахтера, который редко видел ни солнце, ни звезды. Это была ошибочная, но искренняя вера, которая заставляла людей консультироваться с прорицателями и вопрошать стихии в поисках знамений и чудес.

Пользуясь превосходным переводом сэра Джорджа Хеда, мы извлекаем из "Золотого осла" Апулея историю, которая, на наш взгляд, по своему ужасу не уступает ни одной из самых мрачных легенд о языческом или средневековом колдовстве.

“Мой хозяин, пекарь, был воспитанным, сносно хорошим человеком, но его жена, из всех женщин в мире, была самым злым созданием на свете и постоянно превращала его дом в такое мучительное зрелище, что, клянусь Геркулесом, я много раз молча сожалел о его судьбе. Сердце этой самой отвратительной женщины было подобно общему бассейну, где были собраны все дурные наклонности нашей натуры. Она была жестокой, вероломной, злобной, упрямой, скупой, но при этом расточительной на распутство, изменяла своему мужу, обманщицей и пьяницей. Однажды я услышал, как говорили, что пекарь добился развода со своей отвратительной помощницей, и в свое время это сообщение подтвердилось. Она, раздраженная возбужденным против нее судебным разбирательством, связалась с некой женщиной, которая имела репутацию ведьмы и чьи заклинания обладали неограниченной силой. Успокоив эту женщину подарками и настойчивыми мольбами, она просила ее об одном из двух — либо смягчить сердце ее мужа, чтобы он мог примириться с ней; или, если это невозможно, послать привидение или какого-нибудь злого духа, чтобы предать его насильственной смерти. Первая попытка колдуньи полностью провалилась, после чего она принялась инсценировать смерть моего несчастного хозяина. Для достижения своей цели она подняла из могилы тень женщины, которая была убита. И вот однажды, около полудня, в пекарню вошла босоногая женщина, полуодетая, в наброшенной на плечи траурной накидке, на ее бледно-землистом лице застыло угрюмое выражение вины, ужасные растрепанные волосы были посыпаны пеплом, а пряди спереди ниспадали на лицо. Неожиданно подойдя к пекарю и нежно взяв его за руку, она отвела его в сторону и повела в соседнюю комнату, как будто у нее были личные сведения, которые она могла сообщить. После того как пекарь ушел и прошло значительное время, пока он не возвращался, слуги подошли к двери его комнаты и очень громко постучали, а после продолжительного молчания позвали несколько раз и застучали еще сильнее, чем раньше. Затем они заметили, что дверь была тщательно заперта и заперта на засов; после чего, сразу же придя к выводу, что произошла какая-то серьезная катастрофа, они толкнули ее изо всех сил и яростным усилием, либо сломав петлю, либо выбив ее из гнезда, они силой проникли внутрь. В тот момент, когда они оказались внутри комнаты, они увидели, что пекарь висит совершенно мертвый на одной из потолочных балок, но женщина, которая сопровождала его, исчезла, и ее нигде не было видно”.

Это вызывание мертвых для уничтожения живых, эта война трупа с проданным живым, а затем внезапное отправление призрака в могилу, когда его грязное и роковое задание было

выполнено, представляют перед нашим умом кульминацию ужасов, для которых мы не знаем, где, в истории или художественной литературе, найти аналог.

Закон о великой измене, или закон о государственной измене, был одним из самых действенных и страшных орудий, которые имперская конституция Рима вложила в руки его военных деспотов. Против одного преступления эта двуручная и беспроязвительная машина часто применялась, а именно. против преступления или обвинения в выяснении вероятной продолжительности жизни императора. Это делалось различными способами — огнем, нанесенным на восковые изображения, обращением к звездам, определением мест рождения, использованием пророков, случайными предзнаменованиями, но особенно определенными перестановками и комбинациями чисел, "numeros Babylonios", или букв алфавита. Следующий отрывок из Аммиана Марцеллина дает пример этого предательского святотатства, практика или подозрение в совершении которого во многих случаях приводили к изгнанию "математиков" из Италии. Действительно, римляне, глубоко невежественные в науке или презиравшие ее как искусство греческих авантюристов или египетских жрецов, ни один из которых никогда не был в хороших отношениях с правительством, дали нынешним самозванцам тех дней прозвище, которое кембриджские спорщики теперь считают равным патенту благородства.

Нижеследующая история, по-видимому, была по существу показаниями, взятыми перед магистратами Константинополя и добытыми у свидетелей или обвиняемых с помощью пыток. Говорят, что главный обвиняемый был доведен "до конца angustias" — почти до последнего вздоха, прежде чем он признался.

"Этот злополучный стол, " сказал он, " который теперь выставляют при дворе, мы сделали из лавровых ветвей по образцу того, что стоит перед занавесом в Дельфах. Ужасны были покровительства, ужасны чары, долгими и мучительными были танцы, которые предшествовали и сопровождали его сооружение и освящение. И как часто мы обращались к этому диску или таблице, нашим методом процедуры было следующее. Он был установлен посреди помещения, которое предварительно было хорошо очищено дымом аравийской камеди и благовоний. На стол было поставлено круглое блюдо, сваренное из различных металлов. По краю блюда были выгравированы двадцать четыре буквы алфавита, отделенные друг от друга равными и точно отмеренными промежутками. Рядом со столом стоял некий мужчина, одетый в льняную одежду, на ногах у него были льняные козырьки или сапоги, а голова была повязана носовым платком. Он размахивал в одной руке веточкой вербены, этой благоприятной травы; он декламировал набор стихов, которые обычно поют перед аврункальскими богами, Тот, кто стоял у стола, не был обычным волшебником. Другой рукой он держал и покачивал кольцо, прикрепленное к занавескам, сплетенное из тончайшей карпатской нити и которое раньше часто использовалось для подобных мистических заклинаний. Встряхиваемое таким образом кольцо то и дело опускалось между промежутками между буквами и образовывало, соединяя буквы вместе, определенные слова, которые колдун объединял в число и меру, во многом на манер жрецов, управляющих оракулами пифийского и бранхидийского Аполлонов. Затем, когда мы спросили, кто, возможно, станет преемником правящего Императора, яркое и гладкое кольцо, прыгая среди букв, соединило вместе Т, Н, Е, О, а затем и последнюю S, так что один из прохожих сразу воскликнул, что ТЕО [ДОРУ] S был императором, назначенным Судьбой. Мы больше не задавали вопросов, видя, что Теодорус был тем человеком, которого мы искали".

Сохраняющаяся вера в старую религию, а также в магические и тауматургические практики, которые, подобно плющу вокруг дуба, постепенно приросли к нему, способствовала упадку язычества и многих поэтических форм суеверия. Любопытно и поучительно отметить растущую серьезность, с которой приходящее в упадок вероучение язычества стремилось защититься от посягательств христианства. Легкий *персифляж*, с которым философия эпохи Августа относилась к государственной религии, почти исчезает. Безразличие судьи уступает место нетерпимому и возмущенному тону требования. Языческие цезари нападают на новую религию как на грозного противника; христианские императоры, в свою очередь, прямо нападают или настойчиво выискивают суеверия, которые сохранились в сельских городах и округах. Древние боги больше не рассматриваются ни их почитателями, ни их противниками как просто обожествленные герои или люди, но как могущественные и таинственные существа, наделенные демонической энергией и способные даровать временное добро или зло — красоту, власть и богатство, с одной стороны; уродство, позор и болезни, с другой, — тем, кто почитал или отвергал их. Подобные представления о благословении или спасении были воплощены в странных повествованиях о плачущих или ликующих процессиях величественных форм, когда луна скрывалась в своей пустой межлунной пещере, о демонах, принимающих облик прекрасных чародеек, которые обольщали мужчин до их гибели, о дворцах, воздвигнутых ночью и мрачнющих днем, о банкетах, подобных тому фантастическому пиршеству в пустыне, который Мильтон украсил всеми грациями воображения в своем "Потерянном рае".

Мы можем выделить место только для двух повествований о демоническом влиянии, в которых позднейшие язычники выражали свою веру во влияние ранних богов.

1. Суеверие ламии. Одним из результатов объединения Западной Азии с Европой под властью Римской империи стало широкое распространение на последнем континенте зародышей восточного змеепоклонничества. Хитрейший полевой зверь, сохранивший в полной силе свою способность принимать соблазнительные формы и произносить обольстительные слова, по-видимому, имел обыкновение развлекаться среди сыновей и дочерей человеческих в том обличье, в котором он обманул нашу всеобщую мать, чрезмерно любопытную Еву. Особенно ему доставляло удовольствие заманивать в ловушку какого-нибудь подающего надежды юношу, изучавшего философию в школах Афин или Берита, или какого-нибудь неопита в христианской церкви. Один симпатичный молодой джентльмен из Коринфа был за границей в увеселительной поездке и, возможно, возвращался домой немного не в духе из-за вина. Как бы то ни было, у ворот Коринфа он встретил богато одетую девушку, "чрезвычайно красивую", но с растрепанными волосами и залитую слезами. Он начал с того, что поинтересовался причиной ее горя. Неверные слуги унесли ее носилки и оставили ее одну. Он предложил ей утешение, которое она приняла, а также свою руку, от которой она не отказалась. Она привела его в роскошный дворец на боковой улице города, где он еще никогда не бывал. У его мраморного портика толпа рабов с факелами поджидала свою отсутствующую госпожу, и влюбленную пару провели в роскошный банкетный зал, где был накрыт стол, уставленный всеми деликатесами сезона и украшенный сверкающими тарелками. В этом дворце наслаждений юноша пробыл много дней, не считаясь со временем. Но в конце концов, объевшись сладостей, он предложил пригласить на вечеринку своих друзей по колледжу, к большому разочарованию своей прекрасной хозяйки, которая со слезами и объятиями умоляла его отказаться от своего желания. Однако в трудный час он выстоял, и его комнаты были полны придворных, которые не без зависти восхищались удачей, выпавшей на долю их приятеля Луция, никто не знал, как и почему. Но среди старшекурсников был серьезный и седовласый преподаватель колледжа,

начитанный в книгах по фокусам, который своим мастерством мог распознать дьявола в любом обличье. Бледный и молчаливый старик сидел за праздничным столом и был достаточно невоспитан, чтобы не сводить глаз не только с лица дамы, но и с ее красоты. Она побледнела, побагровела, приобрела беспорядочную форму: она растаяла; дворец тоже растаял; тарелки, яства и вина тоже исчезли; и вместо колонн и сводчатых крыш в Коринфе была пустая площадь, а вместо девицы - отвратительная змея, корчившаяся в муках разложения. Белобородый парень просканировал, выпотрошил и убил змею - Ламию, — но он уничтожил и своего пациента, потому что Люциус стал маньяком; если бы действие чар продлилось еще немного, его душа стала бы собственностью дьявола.

2. Молодой человек жестоко оскорбил великую богиню Венеру, или, как ее называли в его родном городе сирийском Библусе, Астарту. Чтобы избавиться от проклятия, нависшего над его столом и постелью, — ибо он недавно женился на прекрасной жене, - он обратился к мудрому астрологу. Мудрец выслушал его и посоветовал ему, в качестве единственного средства, пойти определенной ночью, в самый полдень, в место сразу за воротами, называемое Гробницей язычника, — расположиться на крыше и в назначенный момент произнести определенную формулу, которой снабдил его советник, сведущий в магическом праве. Соответственно, на Могиле язычника юноша расположился в полдень ночи и ожидал своего освобождения. И вскоре, на исходе утра, слышались звуки печальной и торжественной музыки, громкие стенания и размеренная поступь длинной процессии. И приблизилась скорбная толпа людей, которые могли бы показаться мужчинами и женщинами, если бы не их необычайный рост и несравненное величие и красота; и юноша вспомнил слова волшебника и понял, что перед ним прекрасная компания богов, которым поклонялись его предки в прошлых поколениях. Только одного из этой величественной и плачущей группы везли в колеснице — бога Сатурна — возможно, по причине его преклонного возраста; и к Сатурну он обратился со своей молитвой, которая была такой силы, что Сатурн немедленно приказал Астарте освободить просителя от проклятия, которое она наложила на него.

Мы смогли лишь указать, насколько обширна область, лежащая за пределами собственно области средневекового колдовства. Было бы любопытно проследить сходство языческих и христианских суеверий или, скорее, производность одного от другого. Но мы должны отложить эту тему до какого-нибудь другого случая и в заключение повторить пожелание, с которого мы начали, чтобы какая-нибудь компетентная рука взялась проследить во всех ее разветвлениях неясную, но приносящую вознаграждение тему Магии и колдовства.

КОНЕЦ.

ДЖОН ЭДВАРД ТЕЙЛОР, ПЕЧАТНИК,
ЛИТТЛ-КУИН-СТРИТ, ЛИНКОЛЬНС-ИНН-ФИЛДС.

Чтение для путешественников.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Напечатано четким и разборчивым шрифтом, специально адаптированным для удобства пассажиров железной дороги.

“TELLUS IN LONGAS EST PATEFACTA VIAS.”—*Tibullus*.

Представляя вниманию публики новую серию железнодорожной литературы, Издатели желают вкратце объяснить курс, которым они намерены следовать.

Вышеприведенное название — "Чтение для путешественников" — может в достаточной степени выразить основную цель, стоящую перед нами. Из этого, однако, не следует предполагать, что Серия, которую он обозначает, будет адаптирована только к потребностям путешественников или предназначена просто для того, чтобы скоротать час простоя, уменьшая скуку поездки по железной дороге. Напротив, Издатели желают представить Произведения, обладающие постоянной ценностью, а не просто эфемерной привлекательностью, дающие наставления и одновременно служащие развлечению.

Серия будет состоять из оригинальных работ на темы, представляющие новизну и интерес, вместе с перепечатками других работ, достоинства которых могли быть затемнены временем или небрежением, или которые в силу обстоятельств не получили должного внимания общественности. Частью настоящего плана также является воспроизведение в слегка измененной форме эссе и рецензий, которые время от времени появлялись в лучших периодических изданиях того времени, доступных Издателям, ценность которых может оправдать их переиздание и в то же время способствовать достижению главной цели начинания.

Поэтому, без всякой самонадеянности, Издатели надеются выпустить серию Произведений такого безупречного литературного совершенства, разнообразия и интереса, отредактированных со скрупулезной тщательностью и корректностью, которые заслужат общественное одобрение.

Как правило, объем печатных изданий в каждом томе составляет около ста страниц, а *цена - один шиллинг*; но там, где материал не может вместиться в этот объем, будут выпускаться увеличенные тома по соответствующей цене. Серия будет напечатана единообразно, четким и разборчивым шрифтом и оформлена так, как при переплете, чтобы сформировать красивые тома для библиотеки. При этом каждая Работа будет завершенной сама по себе.

Улица ЧЭПМЕН И ХОЛЛ, 193, ПИКАДИЛЛИ.

ПРОДАЕТСЯ НА ВСЕХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТАНЦИЯХ.

Сноски:

[1] С тех пор, как они были написаны, была опубликована книга сэра Вальтера Скотта "Демонология и колдовство", изобилующая интересными историческими примечаниями.

[2] У Фауста, который является своего рода дилетантом в вопросах инфернального, есть способный трактат на эту тему, озаглавленный "Миракель- искусство и Вундеркинд", "Одер дер шварце рабе", "О странствиях по царству божьему", в котором рассматривается политическая система владений Люцифера. Дионисий Ареопagit действительно не более точен в своем календаре небесной иерархии. Возможно, эти трактаты являются общими прародителями современных "Синих книг".

[3] "Открытие колдовства" Реджинальда Скотта содержит армейский список или сводный список адских сил. Таким образом, герцог Амазеротский, который, по-видимому, является чем-то вроде бригадного генерала, командует шестьюдесятью легионами и т.д.

[4] Сатана - всего лишь третьесортный дух, в чем они убедятся, обратившись к списку Адского Тайного совета за 1669 год, содержащемуся в 'Черном вороне' Фауста. Но нам не сообщают точную дату его смещения с поста главы государства. Примечательно, что как в книге Иова, где он упоминается впервые, так и у скандинавских мифологов он фигурирует в сходном образе — "Следопыте", или "Бродячем Духе Тартара". См. Уайтера, "Этимологикон", том iii., в этом очень ученом, хотя и ныне забытом труде много дьявольской эрудиции.

[5] Auswahl aus des Teufels Papieren. И все же, подобно Катону Цензору, Люцифер, возможно, начал учиться в конце жизни.

[6] Lotichius, Oratorio super fatalibus hoc tempore Academiarum periculis: 1631. Лотихий взял на себя труд сочинить латинское стихотворение на тему своего триумфального въезда. Книга под названием 'Маммона' в свое время имела определенную репутацию. Признанного автора действительно зовут Харрис; однако какой-нибудь комментатор 2150 года, возможно, предположит, что это была 'Маммона старого Гарри'. Мы видели и худшие "гипотетические исправления".

[7] Colloquia Mensalia.

[8] Золотая легенда Якоба. де Ворегин, глава 123.

[9] Там же. раздел 21.

[10] Или даже епископ. Посмотрите содержательный и прибыльный рассказ Саути "Элимон, или Спасенный грешник".

[11] В деле Святой Лидвины, когда он лично изложил свое дело и счел его ясным, над ним справедливо посмеялись вне суда: "deriso explosoque Dæmone". (Бругманн, "Жизнь Лидвина", стр. 290.) Он был разыгран еще более изобретательным образом Нострадамусом, который, согласившись, что дьявол заберет его, если он будет похоронен либо в церкви, либо вне ее, оставил указания, что его следует похоронить в дыре в стене. Однако иногда он выигрывал от таких двусмысленных соглашений, как, например, в случае с монахом, которому предстояло

прожить до тех пор, пока он воздерживался от сна на простынях. Монах всегда спал в кресле, но в неудачный час сатана поймал его, просунув голову между *простынями* во время проповеди, и потребовал его освобождения.

[12] Inferno, canto vi.

[13] Судебные процессы в Аррасе в 1459 году. Смотрите Хронику Монстреле, том iii. стр. 84: Париж, 1572. Но это были скорее религиозные преследования предполагаемых еретиков, и преступление колдовства было введено только как отягчающее их преступления.

[14] Кристоф фон Ранцов, дворянин из Гольштейна, сжег сразу восемнадцать в *одном* из своих поместий.

[15] Некоторые из наших читателей, возможно, пожелают увидеть образец этого драгоценного изделия. Мы возьмем одну-две строфы, описывающие шутку, жертвой которой стала бедная ведьма.

Ein Hexen hat man gefangen, zu Zeit die war sehr reich
Mit der man lang umgaben ehe sie bekannte gleich,
Dann sie blieb darauf beständig es gescheh ihr Unrecht gross,
Bis man ihr macht nothwendig *diesen artlichen Poss(!)*,

Das ich mich drüber wunder; man schickt ein Henkersknecht
Zu ihr ins Gefängniss 'nunter, den man hat kleidet recht
Mit einer Bärnhaut als wens der Teufel wär;
Als ihm die Drut anschaute meynts ihr Buhl kam daher.

Sie sprach zu ihm behende, wie lestu mich so lang
In der Obrigkeit Hände? Hilf mir aus ihren Zwang,
Wie du mir hast verheissen, ich bin ja eben dein;
Thu mich aus der Angst entreissen, o liebster Bule mein!

Sie thet sich selbst verrathen, und gab Anzeigung viel
Sie hat nit geschmeckt den Braten, *was das war für ein Spiel(!)*.
Er tröstet sie und saget, ich will dir helfen wohl;
Darum sey unverzaget, Morgens geschehen soll.

На нем стоит колофон, “Напечатанный в Смалькальде в 1627 году”.

[16] Когда эти ужасы были таким образом переложены стихами, неудивительно, что они были “улучшены” проповедниками того времени. В Риге в 1626 году появились ‘Девять избранных проповедей о ведьмах’ Германа Сампсония, управляющего Ригой, и многие другие в течение того столетия.

[17] Уголовное право. Тит. икс.

[18] Протоколы судебного заседания. Суд над хозяином Оркнейских островов.

[19] Дневник Калефа.

[20] Государственные судебные процессы Коббетта.

[21] Суд над Барти Патерсоном. Протоколы шотландского правосудия. 18 декабря 1607 г.

[22] В деле Уэнхэма мистер Чонси показал, что кошка, принадлежащая Джейн Уэнхэм, пришла и *постучала* в его дверь ночью, и что он убил ее. Это было основано на доказательствах, представленных на суде.

[23] Рекомендация от Just. 1613, 1 декабря.

[24] Смотрите "Новую некрологию Германии", 1823 год, чтобы узнать об этих замечательных явлениях.

[25] Divina et Vera Metaphysica.

[26] "Дион" Вордсворта.

[27] Символы с приставкой, которые Эшмоул интерпретирует как означающие Responsum Raphaelis, кажутся удивительно похожими на тот каббалистический инициал, который в медицинских рецептах обычно интерпретируется как "Рецепт".

[28] Даппер (Beschreibung von Amsterdam, стр. 150) описывает ее как меланхоличную или ипохондричную девушку. Однако она была сожжена, как обычно. Эти рифмованные или аллитеративные заклинания имеют очень отдаленную древность. Катон в своем трактате о земледелии рекомендует следующую формулу растяжения или перелома: "Хуат Ханат, Хуат Иста, Писта Систа, Домиабо Дамнаустра" или "Мотас Вета, Дарис Дардарис, Астатарис Диссунапитер".

[29] Это, действительно, почти неизменная черта процессов над ведьмами, и, если бы тема могла оправдать обсуждение, это могло бы привести к некоторым необычным медицинским выводам.

[30] Ремесло уколщика, как это называлось, *то есть* человека, который втыкал булавы в плоть ведьмы, было обычным делом в Шотландии и Англии, а также на Континенте. Сэр Джордж Маккензи упоминает случай с одним из них, который признался в самозванстве (стр. 48); и аналогичный случай упоминается Споттисвудом (стр. 448). Сэр Вальтер Скотт дает следующий отчет об этом ремесле: "Одним из известных способов обнаружения ведьм и одновременной пытки их с целью вытянуть признание заключался в втыкании в их тело булавок под предлогом обнаружения клейма дьявола, или метки, которая, как говорили, была нанесена им всем его вассалам и делала их нечувствительными к боли. Этот вид розыска, практика печально известного Хопкинса, был сведен в Шотландии к ремеслу; и молодому ловцу ведьм было разрешено пытаться обвиняемую сторону, как будто выполняя законное призвание, хотя сэр Джордж Маккензи клеймит это как ужасное мошенничество. Я замечаю в Материалах дела мистера Питкэрна, что на суде над Джанет Пистон из Далкита магистраты и служители этого рыночного городка заставили Джона Кинкейда из Транента, обычного колотуна, попрактиковаться в ее искусстве, "который обнаружил на ней два следа того, что он назвал дьявольским творением, и которые, по-видимому, действительно были таковыми, поскольку она не почувствовала булавку, когда ее воткнули ни в один из указанных следов, и они (отметины) не кровоточили, когда их снова вынимали; и когда ее спросили, куда, по ее мнению, были воткнуты булавки". войдя, она указала на часть своего тела, удаленную от реального места. Это были

булавки трех дюймов в длину.’ Помимо того факта, что на лицах пожилых людей особенно часто встречаются пятна, лишенные чувствительности, есть также основания полагать, что для предполагаемых укулов использовалась булавка, острое или нижняя часть которой при надавливании была вложена в верхнюю, которая для этой цели была полый, и то, что, казалось, вошло в тело, вовсе не проткнуло его”. — *Демонология и колдовство*, стр. 297.

[31] Питер умер в тюрьме как раз вовремя, чтобы спастись от огня. Однако его чучело было сожжено после его смерти.

[32] Lindon, cited by Wyttenbach, ‘Versuch einer Geschichte von Trier,’ vol. iii. p. 110.

[33] Beyträge zur Beförderung einer nähern Einsicht in das gesammte Geisterreich, vol. i. p. 284.

[34] Аббат Фиар, один из последних зарегистрированных верующих, полностью опубликовал Реквием в своих "Письмах о магии", стр. 117 *и далее*.

[35] Даже сейчас очень невежественные или очень злобные люди иногда обращаются к мировым судьям с жалобой на то, что их "околдовали".

[36] Судебные процессы и другие разбирательства по уголовным делам в Высоком суде Шотландии, выбранные из протоколов этого суда. Роберт Питкэрн. Эдинбург.

[37] Холингсхед, том i. стр. 50, 317.

[38] Во втором браке Александра III., Фордун, т. ii. стр. 128. Боус, стр. 294, изд. 1574.

[39] Боэс, стр. 149.

[40] В случае Камерона, епископа Глазго, 1466 г. —Бьюкенен. Питскотти.

[41]

“Quell’ altro, che nei fianchi è così poco,
Michele Scotto fu, che veramente
Delle magiche frode seppe il giuoco.”—*Canto xx*.

[42] Как в случае с ведьмами в Форресе, которые пытались уничтожить короля Даффуса с помощью излюбленного языческого заклинания обжига его изображения в воске, и с теми, кого сожгли в Эдинбурге за аналогичную попытку против Якова III., в 1479 году.

[43] Шотландец из Скотстарвета, Родины Годскрофта, *пассим*.

[44] 8 ноября 1576 г. Питкэрн, том i, стр. 48.

[45] Там же. стр. 51.

[46] Запись Just. 27 мая 1601г.

[47] Новости из Шотландии, сообщающие о проклятой жизни доктора Фиана.—Питкэрн, том i, стр. 213.

[48] Вряд ли нам нужно напоминать нашим читателям о пытках Макбрайара сапогами перед Тайным советом в "Рассказах моего домовладельца".

[49] Старофранцузский, *бирюзовый*, кузнечные щипцы, от *torquere*.

[50] Сэр Джеймс Мелвилл, стр. 294.

[51] Питкэрн, том i, стр. 211.

[52] Крючок — крюк, с помощью которого кастрюли подвешивают над шотландским кухонным очагом.

[53] Просто. Записи, 1590-1610.

[54] Большинство приведенных здесь случаев содержится в судебных отчетах примерно с 1605 по 1640 год.

[55] 4 февраля 1629г.

[56] Just. Записи, январь 1630г.

[57] Just. Rec., декабрь 1643г.

[58] На обороте бумаги пометка: “Эдинбург, 10 июля 1662 г.: рассмотрено и признано имеющим отношение к делу депутатом юстиции”. Часть показаний Джанет Брэйдхед, на которых, по-видимому, была сделана аналогичная пометка заместителем судьи, оторвана.

[59] Ее коллега-ведьма Брэйдхед была крещена очень неподходящим именем *Кристиан*.

[60] Это, по-видимому, было обычной практикой в Адском ритуале. Закон дает прозвища ренфруширским ведьмам в деле Бангаррана. (Мемориалы, стр. 122.)

[61] Принятие облика мерзких и зловещих птиц было излюбленной практикой ведьм во все века. Апулей в своем образе Луция так описывает метаморфозу своей хозяйки в Лариссе:

Памфила сняла с себя всю одежду и, открыв какой-то шкаф, достала из него несколько коробок. Из одного из них она выбрала мазь и помазала себя с головы до ног; и после долгих бормотаний она начала раскачиваться взад-вперед. Вскоре мягкий пух покрыл ее конечности, а из плеч выросла пара крыльев: нос превратился в клюв, ногти - в когти. Памфила превратилась в настоящую сову. Затем, издав низкий крик, она начала подпрыгивать на полу, а через некоторое время вылетела в окно и исчезла. Фотис заверил меня, что она улетела к какому-то ожидающему любовнику. И это был последний раз, когда я видел старую леди.

[62] Просто. Записи. 27 января 1662 г.

[63] Том i. Решения, стр. 14.

Reading for Travellers.

A NEW

LIBRARY OF RAILWAY LITERATURE.

*Printed in a clear and legible type, and expressly adapted
to the convenience of Railway Travellers.*

WORKS PUBLISHED.

OLD ROADS AND NEW ROADS.

MAGIC AND WITCHCRAFT.

IN THE PRESS.

FRANKLIN'S FOOTSTEPS.

FLORIAN AND CRESCENZ. By B. AUERBACH.

SIR PHILIP SIDNEY.

THE VILLAGE DOCTOR.

CHARLES THE SECOND.

THE DUKE OF SULLY.